РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

1862

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА

Въ типографіи Каткова и К°.

СЕМЕЙНЫЯ ЗАПИСКИ

(Посвящается семилѣтнему племяннику моему, Юрью Александровичу Н.)

Стариковъ, когда-нибудь
Надо будетъ помянуть,
Помянуть и этихъ нужно.

Пушкинъ.

I. Семенъ Васильевичъ.

Давно оцѣнены интересъ и значеніе записокъ и семейныхъ воспоминаній всякаго рода. Лишь бы онѣ были составлены добросовѣстно, безъ прикрасъ, въ нихъ непремѣнно отразится характеръ эпохи, къ которой онѣ относятся. Тутъ даже не требуется таланта. С. Т. Аксаковъ составляетъ исключеніе; но у всякаго есть своя семейная хроника. Вотъ почему я рѣшаюсь представить публикѣ самый искренній разказъ того что̀ я слышала и чему была свидѣтельницей.

Въ наше время трудно говорить о своихъ предкахъ: нынѣшнее русское общество не заражено родословнымъ духомъ, и слава Богу! Мнѣ кажется однако, что принципъ этотъ, какъ и всякій другой, можетъ найдти свое историческое оправданіе; если онъ существовалъ, то значитъ онъ имѣлъ въ

свое время право на существованіе. Если онъ отжилъ свой вѣкъ, и палъ подъ напоромъ новыхъ идей, то въ немъ все-таки слѣдуетъ уважать ту долю нравственной мысли, которая породила его.

Къ тому же есть прирожденное человѣку чувство, которое едва ли не переживетъ всѣ историческіе перевороты: это чувство—законная гордость, съ которою мы сознаемъ, что намъ была передана честная и неиспорченная кровь. Съ дворянскимъ или рыцарскимъ предразсудкомъ это чувство не связано неразрывно: я полагаю, что этотъ предразсудокъ не что иное какъ форма, въ которую извѣстная эпоха облекла это естественное чувство. Форма вымерла, какъ вымираетъ всякая форма; чувство осталось, потому что всякое чувство безсмертно. Рядомъ съ девизомъ: *Noblesse oblige*, который съ гордостью провозглашался благороднымъ рыцаремъ, я укажу на одно знакомое мнѣ въ Каширскомъ уѣздѣ и извѣстное во всемъ околоткѣ своею честностью крестьянское семейство. Это семейство, борокуя землю, не безъ гордости также говоритъ: „Намъ срамиться не приходится: мы Семеновы". И отецъ будетъ передавать сыну, что Семенъ, имя котораго перешло къ нимъ *въ прозвище*, говорилъ дѣтямъ умирая: „Живите честно, чтобы мнѣ и на томъ свѣтѣ любо было". Врядъ ли самый искренній демократъ вспомянетъ съ удовольствіемъ о томъ, что его отецъ или дѣдъ былъ негодяемъ.

Итакъ, если наши предки заслуживаютъ уваженія, уважимъ ихъ память, какое бы имя они намъ ни передали, и какою бы дѣятельностію не наполняли свою жизнь, мирно ли они владѣли плугомъ, честно ли они сложили свою голову на защиту родины. Было бы также мелочно стыдиться скромнаго имени однихъ, какъ и знатнаго рода другихъ.

Мы происхожденія норманскаго. Наши неусидчивые предки искали счастія и въ Польшѣ, и въ Ливоніи, наконецъ поселились въ Россіи, служили ей вѣрой и правдой, и по обычаю людей родословныхъ бывшихъ въ боярахъ, служили почти исключительно на военномъ поприщѣ: со дня Куликовской битвы до польской кампаніи 1830 года погибло въ сраженіяхъ болѣе двадцати нашихъ родичей.

Мы были когда-то богаты, но въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія князья Г*** вступили съ нами въ тяжбу. Интересные

документы по этому дѣлу хранятся у насъ до сихъ поръ. Василій Яковлевичъ Н***, человѣкъ съ вѣсомъ, велъ дѣло отъ лица всѣхъ своихъ, но его вліяніе было ничтожно въ сравненіи со всемогуществомъ князя Меншикова. По исторіи этого любопытнаго процесса можно прослѣдить всѣ фазисы политической жизни временщика. Дѣло не рѣшается при Петрѣ: Меншиковъ боится Петра, а юстиція боится Меншикова. При Екатеринѣ I исполняется раболѣпно воля *генералъ-поручика Россіи*. Наконецъ, паденіе его при Петрѣ II перерѣшаетъ дѣло въ нашу пользу. Затѣмъ, въ продолженіи тридцати семи лѣтъ, мы владѣли безспорно нашимъ имѣніемъ; но вдругъ, нежданно-негаданно, оно у насъ отнято однимъ почеркомъ пера, и отдано князю Г***.

Прадѣдъ мой, Семенъ Васильевичъ и его братья бодро перенесли разразившійся надъ ними ударъ, продали свой конный заводъ, свой старинный московскій домъ, скромно выстроились въ дальней части города, на мѣстѣ отведенномъ прежде подъ конюшни для *непѣзжалыхъ* лошадей, и по выраженію уцѣлѣвшихъ документовъ, *съ благословенія матери своей* раздѣлили между собой оставшееся за ними имѣніе, и зажили по пословицѣ: „по одежкѣ протягивай ножки“.

Въ своей старости Семенъ Васильевичъ любилъ вспоминать о прежнемъ блескѣ семейства, и часто разказывалъ своей невѣсткѣ, моей бабушкѣ, о подробностяхъ нашего процесса съ Г***. Старикъ каждый разъ упоминалъ о печальной судьбѣ лицъ участвовавшихъ въ нашемъ раззореніи, или воспользовавшихся имъ: дѣлецъ хлопотавшій за нашихъ противниковъ подвергся торговой казни, говорилъ онъ, Меншиковъ умеръ въ Березовѣ, князь Борисъ Алексѣевичъ Г*** въ покаяніи и схимѣ, а тотъ изъ его наслѣдниковъ, которому досталась бо́льшая часть нашего имѣнія, погибъ на праздникѣ съ молодою женой подъ обрушившимися палатами князя Масальскаго, что̀ случилось въ годовщину дня почему-то особенно замѣчательнаго въ исторіи неправаго процесса. „Всякая неправда жди наказанія“, прибавлялъ обыкновенно старикъ въ заключеніе своего разказа, и вся жизнь его отличалась ненавистью къ неправдѣ.

Дослужившись до бригадира, онъ за болѣзнію и ранами

перешелъ въ гражданскую службу. Прощаясь съ нимъ, офицеры его полка поднесли вермелевый кубокъ безупречному начальнику и хлѣбосольной его *сожительницѣ*. Манифестаціи такого рода были въ то время рѣдкостью. Семенъ Васильевичъ прослезился, но рѣшительно отказался отъ богатаго подарка, и просилъ своихъ сослуживцевъ заказать ему на Измайловскомъ заводѣ стеклянный кубокъ съ тою же надписью. Скромный подарокъ, который онъ берегъ какъ сокровище, уцѣлѣлъ до сихъ поръ, и восьмилѣтнему праправнучку Семена Васильевича разказываютъ его исторію.

Онъ любилъ лошадей и охоту, и перейдя въ гражданскую службу улучалъ иногда свободное время, чтобы съѣздить въ свою подмосковную, полюбоваться на небольшой конный заводъ, и взять два-три поля съ гончими. Разъ, пока онъ охотился, явились къ нему на поклонъ купцы замѣшанные въ дѣлѣ, рѣшеніе котораго зависѣло отъ моего прадѣда. Въ это время мало вѣрили въ судейскую неподкупность, и купцы знавшіе, что Семенъ Васильевичъ отказывается отъ взятокъ, рѣшили, что онъ вѣроятно боится огласки, и улучили удобную минуту, чтобы предложить ему подарокъ втихомолку. Они знали, что онъ человѣкъ не богатый, знали его пристрастіе къ лошадямъ, и надѣялись прельстить его двумя великолѣпными цугами. Въ ту минуту какъ челобитчики остановились у воротъ съ своимъ обозомъ, Семенъ Васильевичъ возвратился съ поля. Не вспомнилъ онъ себя, когда узналъ въ чемъ дѣло: въ старикѣ заговорила со всею силой молодости его горячая кровь: „Трави ихъ! спускай собакъ!" крикнулъ онъ своимъ охотникамъ. Приказаніе было исполнено, и не безъ увѣчья выбрались изъ деревни купцы съ своими породистыми лошадьми.

Разказъ объ этомъ происшествіи мы слышали между прочимъ отъ старика, который умеръ на нашей памяти. „Мой батюшка часто объ этомъ вспоминалъ, говорилъ онъ. Онъ былъ тогда доѣзжачимъ при покойномъ генералѣ. Сказывалъ, что кони-то были ужь больно хороши. Кабы тогда не погорячился старый баринъ, знатный былъ бы у насъ теперь заводъ."

Мой прадѣдъ былъ вспыльчивъ, но добръ, ласковъ и гостепріименъ, и пользовался заслуженнымъ уваженіемъ и лю-

бовью въ кругу знакомыхъ и многочисленной родни. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда его родственники и пріятели поднесли ему въ день именинъ гербовую печать съ девизомъ: *правда*. Въ этомъ девизѣ есть геральдическая невѣрность, но за то вѣрная оцѣнка всей жизни старика.

II. Василій Семеновичъ. [1]

Дѣдушка мой, единственный сынъ Семена Васильевича, очень гордился древностію своего рода, своимъ незапятнаннымъ гербомъ, и въ особенности девизомъ завѣщаннымъ ему отъ отца: *правда*. Этому девизу онъ оставался вѣренъ весь свой вѣкъ, и въ свою очередь завѣщалъ его, умирая, своимъ потомкамъ.

Онъ женился еще при жизни Семена Васильевича, и домъ старика оживился присутствіемъ красивой восьмнадцатилѣтней хозяйки. Молодые веселились и много выѣзжали въ свѣтъ, и моя бабушка любила, въ старость, вспоминать объ этомъ времени: „Генеральство было тогда рѣдкостью, и очень уважалось; не то что теперь, говорила она. Мнѣ часто случалось слышать, входя въ церковь, въ собраніе, или въ магазинъ: это невѣстушка генерала Н***, и мнѣ уступали мѣсто, и прислуживались.“ И старушка прибавляла обыкновенно, сѣтуя о развратѣ нашего времени: „А нынче все ни почемъ.“

Василій Семеновичъ, послѣ кончины своего отца, вступилъ во владѣніе всѣмъ наслѣдствомъ, которое состояло изъ большаго дома въ Москвѣ и трехсотъ душъ. Семенъ Васильевичъ, за служебными недосугами, не заглядывалъ никогда въ тверское имѣніе, которое пришло въ упадокъ, и стало давать очень скудные доходы. Отсутствіе правильнаго надзора, грабительство начальниковъ и сосѣдство торговыхъ селъ совершенно раззорили крестьянъ. Они стали промышлять конокрадствомъ, и Воробново сдѣлалось притономъ воровъ и гулякъ всего околотка. Дѣдушка мой рѣшился приложить къ нему руки. Онъ не любилъ ничего откладывать до завтра; выписалъ немедленно старосту, отыскалъ подрядчика, и приказалъ приступить къ постройкѣ

---

[1] Эта эпоха такъ уже близка къ намъ, что я рѣшилась измѣнить собственныя имена.

дома, благо лѣсу въ имѣніи было вдоволь. „Крестьяне не видали никогда своихъ господъ, разказывала моя бабушка, и пришли въ ужасъ, когда узнали, что мы собираемся жить въ Воробновѣ.“ Они посовѣтовались, и нашли наконецъ радикальное средство для отвращенія предстоявшей имъ напасти: сожгли только что выстроенный домъ. Но моего дѣда было одинаково трудно и напугать, и переспорить. Узнавъ о пожарѣ, онъ тотчасъ потребовалъ лошадей, и отправился въ Воробново.

Братъ мой, которому досталось въ послѣдствіи имѣніе, слышалъ объ этомъ дѣлѣ интересный разказъ отъ стараго крестьянина: „Послали объявить въ городъ, говорилъ онъ, а тѣмъ временемъ дѣдушка вашъ пріѣхалъ, и самъ все дѣло разобралъ. И вѣдь какъ? все тихимъ манеромъ, никого щелчкомъ не тронулъ. Потребовалъ на лицо всѣхъ молодцовъ, которые были мало-мальски на замѣчаніи (а народъ у насъ со всячинкой былъ), и давай каждаго спрашивать, да съ первыхъ словъ и спозналъ кто правъ кто виноватъ: какъ ножомъ отрѣзалъ, ни въ одномъ человѣкѣ не ошибся. Ума палата была! Кого сейчасъ домой отпустилъ, а кого подъ караулъ посадилъ; да тѣмъ же днемъ *суподъ* караула еще разъ опросилъ, сперва по одиночкѣ, а потомъ всѣхъ вмѣстѣ. Ну, дѣло извѣстное: стали путать, да другъ на дружку выводить; такъ все дѣло и вышло наружу. Пріѣхали судейскіе, да только одинъ денекъ у насъ и погостили, а то сколько бы они народу понапрасну перепытали! Вотъ что настоящій баринъ-то значитъ!“ заключилъ разкащикъ.

Разобравъ дѣло и наказавъ виновныхъ, мой дѣдушка собралъ мірскую сходку и объявилъ крестьянамъ, что онъ свою усадьбу поставитъ на другомъ мѣстѣ, то-есть въ самой серединѣ села, такъ что въ случаѣ новаго пожара и самимъ мужичкамъ жутко придется. Кромѣ того, онъ имъ сказалъ, что съ оброка переводитъ ихъ на барщину. „Вы нищіе, потому что негодяи и тунеядцы,“ прибавилъ онъ. „Я васъ пріучу къ работѣ, исправлю васъ, и тогда опять посажу на оброкъ. Я никого не притѣсняю, и до наказаній не охотникъ, но если кто самъ на наказаніе напрашивается, такъ не прогнѣвайся: потачки не дамъ. Шутить я тоже не люблю, и совѣтую держать ухо востро.“

Какъ скоро новый домъ былъ выстроенъ, дѣдушка мой поселился въ Воробновѣ, принялся за дѣло, и все закипѣло

подъ его руками. Онъ вставалъ съ восходомъ солнца и отправлялся на работу. Трудно ему было сладить съ привычками лѣни и нерадѣнія крестьянъ, но крестьяне могли скоро убѣдиться, что баринъ дѣйствительно шутить не любитъ, и что надо держать ухо востро. Онъ имъ на первыхъ порахъ показался немного крутенекъ, потому что былъ неумолимъ къ ворамъ и мошенникамъ: кому лобъ забрилъ, кого въ ссылку послалъ. За то правый шелъ къ нему смѣло: зналъ, что баринъ даромъ не обидитъ, и врядъ ли кто во всемъ околоткѣ неизмѣнно придерживался, кромѣ моего дѣдушки, вновь вышедшаго тогда закона о трехъдневной барщинѣ.

Наконецъ, мало-по-малу, гуляки и воры перевелись, запущенныя поля стали обрабатываться на славу, чахлая крестьянская скотина начала жирѣть и умножаться, и у сосѣднихъ мужичковъ вселось въ поговорку, что *Воробновскимъ умирать не надо.*

Великое было горе когда скончался мой дѣдушка: водили малыхъ ребятъ поклониться его праху да выслушать по немъ панихиду, и твердили имъ отцы и матери, чтобъ они его помнили, да поминали на молитвахъ, потому что такого барина имъ уже не нажить, и многіе еще годы послѣ его смерти, въ приходской церкви, діаконъ, по воскресеньямъ, молился на эктеньѣ, объ „упокоеніи души болярина Василья".

Когда семейство переѣхало въ Воробново, оказалось, что на селѣ много кликушъ, и на нихъ всегда *находило* черезъ день, то-есть по барщинскимъ днямъ, и что эти припадки недуга обнаруживаются обыкновенно въ церкви, во время *Херувимской*. Узнавъ о такой напасти, мой дѣдушка приказалъ управляющему повѣстить бабамъ, что онъ въ воскресенье придетъ къ обѣдни, и всѣхъ кликушъ прикажетъ привести къ себѣ, потому что умѣетъ ихъ лѣчить.

Въ слѣдующее воскресенье онъ явился въ церковь съ бабушкой, и сталъ около амвона. Какъ только раздалась *херувимская*, какой-то голосъ въ толпѣ прокричалъ не твердо: ку-ка-ре-ку. Дѣдушка мой обернулся, погрозилъ медленно пальцемъ, и все замолкло, кромѣ клиросснаго пѣнія.

Когда стали выходить изъ церкви: „А кто же это пѣтухомъ-то кричать принимался?" спросилъ Василій Семеновичъ.—„Не я! Видитъ Богъ не я! Да я возлѣ твоей са-

мой милости и стояла," раздалось со всѣхъ сторонъ. — „Ну, должно быть я самъ прокричалъ," сказалъ мой дѣдушка смѣясь: „у меня знать рука легка, разомъ вылѣчилъ. А если что, помилуй Богъ, опять приключится, такъ милости просимъ ко мнѣ." И съ тѣхъ поръ о кликушахъ слуха не было.

Много слышала я разказовъ о моемъ дѣдушкѣ. Его Богъ одарилъ крѣпкою природой. Онъ сознавалъ свою силу, и не старался выказывать ее, а напротивъ сдерживалъ ее, и она проглядывала невольно. Голоса онъ никогда не возвышалъ, а передъ его голосомъ все смирялось. Во время своего долгаго пребыванія въ деревнѣ, онъ познакомился со всѣмъ околоткомъ, и его слово сдѣлалось скоро закономъ для всѣхъ. Сосѣди часто выбирали его третейскимъ судьей въ своихъ домашнихъ распряхъ, и на его рѣшеніе не было уже аппелляціи. Я знала старушку, которая доводилась ему племянницей въ третьемъ колѣнѣ, и она мнѣ часто разказывала про него. „Вѣдь вотъ диковина какая, говорила она,—ни на кого онъ не крикнулъ, а и въ голову не приходило сдѣлать что-нибудь противъ его воли. А ужь кто узналъ за собою грѣхъ, такъ тотъ и взглянуть на него не смѣлъ."

Но боялись его однако лишь въ извѣстныхъ случаяхъ. Нравственная его сила и непреклонная воля не придали ни угрюмости его характеру, ни суровости его пріемамъ. Онъ обыкновенно былъ веселъ, и даже смѣшливъ, если не былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ. Расположеніе его духа показывало, какъ вѣрный барометръ, настроеніе всего семейства. Веселъ Василій Семеновичъ, и всѣ улыбаются около него, нахмурился онъ, и всѣ говорятъ шепотомъ, хотя твердо знаютъ, что онъ своего горя или досады не выместитъ на невинномъ.

Объ отношеніяхъ его къ родственному кругу и говорить нечего. Положеніе главы семейства онъ наслѣдовалъ отъ Семена Васильевича, и поддерживалъ это положеніе своимъ личнымъ характеромъ. И близкая, и дальняя родня находились у него въ совершенномъ повиновеніи. Любопытна уцѣлѣвшая его переписка съ его двоюродною сестрой Марьей Васильевной Л***. Она была женщина замужняя, и въ добавокъ однихъ лѣтъ съ моимъ дѣдомъ. Недовольный ея объясненіемъ по одному семейному дѣлу, онъ ей пишетъ:

„Не дури, и не виляй хвостомъ, а помни что говаривалъ батюшка: всякая неправда жди наказанія.“ Марья Васильевна пишетъ ему *вы*, и повинуется ему безпрекословно.

Былъ однако примѣръ, и о немъ всѣ разказывали съ ужасомъ: одна изъ родственницъ поступила противъ его воли. За ея дочь, дѣвушку съ состояніемъ, сватались въ одно время двое молодыхъ людей. Обратились за совѣтомъ къ Василью Семеновичу, и онъ назначилъ жениха, но не того, котораго втайнѣ предпочитали и мать, и дочь. Цѣлый годъ, и всѣми возможными путями, старались онѣ отклонить его въ пользу другаго жениха, и заставить отказаться отъ своего слова. Но онъ повторялъ упорно, что „П***. ему въ родню не годится“, и наскучивъ настойчивостью своей родственницы, кончилъ тѣмъ что отказалъ ей на отрѣзъ отъ своего дома. Молодая дѣвушка вышла за П***, и вѣроятно не разъ раскаивалась въ своемъ несчастномъ выборѣ. Мужъ ея дѣйствительно оказался дряннымъ человѣкомъ. Не даромъ Василій Семеновичъ довѣрялся своимъ впечатлѣніямъ.

Съ самаго дня свадьбы, ни мать, ни дочь, не пропустили ни единаго торжественнаго дня, чтобы писать къ моему дѣдушкѣ, поздравлять его и умолять о прощеніи. Но онъ не отвѣчалъ на письма—и не простилъ.

Онъ, какъ и отецъ его, служилъ въ военной службѣ. Женившись, онъ вышелъ въ отставку, и поселился, какъ мы видѣли, въ деревнѣ. Тутъ онъ постоянно уклонялся, за недостаткомъ средствъ, отъ предводительства, говоря, что „при ребятахъ надо думать о телятахъ.“ Но случилось, что въ сосѣднемъ уѣздѣ, гдѣ у него былъ шаръ, года за два до новыхъ выборовъ, смерть, отставка и перемѣна службы совершенно очистили уѣздный судъ: дворяне съѣхались баллотировать судью и готовились выбрать негодяя; тогда Василій Семеновичъ изъявилъ желаніе баллотироваться самъ, и былъ выбаллотированъ единогласно. Онъ переѣхалъ въ городъ, и до новыхъ выборовъ правилъ почти постоянно, кромѣ судейской, еще другія должности.

Когда онъ принялъ мѣсто, въ судѣ было довольно запутанное дѣло, и просители явились къ нему, по обычаю, съ серебрянымъ сервизомъ и съ медвѣжьею шубой. „Отецъ мой,“ сказалъ онъ имъ, едва сдерживая свой гнѣвъ и не дослушавъ приготовленной заранѣе рѣчи: „затравилъ со-

баками купцовъ предлагавшихъ ему взятку. Вы можете убѣдиться, что и у меня собака надежная.“ Тутъ онъ отворилъ окно, и показалъ имъ огромнаго цѣпнаго пса. Тѣ переглянулись. Василій Семеновичь погрозилъ на нихъ пальцемъ: „Совѣтую помнить,“ прибавилъ онъ. Челобитчики, сконфуженные такими неслыханными рѣчами, разошлись по домамъ, и рѣшили вѣроятно, что должно-быть новый судья человѣкъ опасный.

Для иныхъ онъ оказался дѣйствительно человѣкомъ *опаснымъ*, но многіе сохранили о немъ другое воспоминаніе. Лѣтъ тридцать послѣ разказанной мною сцены отецъ мой проѣзжалъ городомъ ***. Какъ скоро разнесся слухъ что сынъ Василья Семеновича стоитъ въ гостиницѣ, номеръ занятый моимъ отцемъ наполнился посѣтителями. Всѣ желали взглянуть на него, и старики говорили со слезами на глазахъ, что онъ похожъ на покойника; многіе уговаривали его снять военный мундиръ и перейдти къ нимъ на службу. Онъ часто говаривалъ, что день этотъ причисляетъ къ самымъ свѣтлымъ своимъ воспоминаніямъ.

Бабушка моя говорила, что съ нимъ она была примѣрно счастлива, и никогда не вспоминала о Васильѣ Семеновичѣ безъ глубокаго вздоха или безъ искренней слезы. Судя по ея разказамъ видно, что мужъ любилъ ее и щадилъ, какъ ребенка, который ввѣрилъ ему свою судьбу, и очень дорожилъ ея безграничною къ нему привязанностію, но держалъ ее строго. Она была женщина добрая, слабая характеромъ и далеко не глупая, но разницы между собой и мужемъ она измѣрить никогда не могла, и не понимала, что она ему была не по плечу, хотя всегда говорила о немъ съ чувствомъ того уваженія, которое мы инстинктивно питаемъ къ мощнымъ, выходящимъ изъ общаго разряда натурамъ. Мой дѣдушка былъ человѣкъ замѣчательно образованный по своему времени. Среда, въ которой онъ жилъ, была для него очевидно тѣсна, но никто изъ окружающихъ и не подозрѣвалъ этого. Было время когда онъ не могъ обойдтись безъ образованнаго общества и страстно любилъ музыку, чтеніе, и въ особенности итальянскую литературу, но съ переселеніемъ въ Воробново пришлось проститься со всѣмъ. Бабушка иногда спрашивала у него съ безпокойствомъ, не тоскуетъ ли онъ объ оставленныхъ занятіяхъ и о покинутомъ кружкѣ.

— Что это тебѣ вздумалось, Маша? отвѣчалъ онъ:—добрые люди есть вездѣ, а развѣ здѣсь у меня мало занятій?— И она успокоивалась.

По мѣрѣ того какъ увеличивалось семейство, Василій Семеновичъ, работая безъ устали, чтобъ оставить дѣтямъ независимый кусокъ хлѣба, отказывался отъ всѣхъ привычекъ привитыхъ роскошью, и ограничился наконецъ тѣмъ что предписывала самая строгая необходимость. Что же до бабушки, то, до своего замужства, она жила въ Петербургѣ, среди того что называется *le cercle élégant*; но повинуясь безпрекословно и даже безъ усилія малѣйшему слову мужа, она пошла по дорогѣ, которую онъ ей указалъ. Василья Семеновича ничто не могло сломить; его сильная природа устояла въ насильственномъ отчужденіи отъ людей и въ удушливой хозяйственной атмосферѣ. Онъ умѣлъ подавлять свои желанія и порывы, но эти порывы и желанія не заглохли, подъ вліяніемъ мелочныхъ потребностей, до послѣдней минуты его жизни. Заѣдетъ бывало въ Воробново, среди темнаго зимняго вечера, какой-нибудь пріятель изъ Москвы, да привезетъ новую книгу, и сидитъ съ нимъ Василій Семеновичъ да толкуетъ вплоть до утра. Но дѣла все-таки онъ не забывалъ. Вздремнувъ немножко, онъ встанетъ еще при огнѣ, велитъ заложить санки, объѣдетъ всѣ работы и возвратится домой, пока проѣзжій, утомленный долгою дорогой, еще спитъ глубокимъ сномъ. Но среда, на которую была обречена бабушка, подавила слабую женскую природу. Съ каждымъ днемъ втягивалась она все болѣе и болѣе въ дрязги мелочнаго хозяйства, не замѣчала сама какъ мало-по-малу забывала усвоенныя съ дѣтства привычки, отдалялась отъ сферы, въ которой родилась, и стала наконецъ свободно дышать въ пошлой средѣ провинціальныхъ сплетень. Василій Семеновичъ и не пытался предохранить ее отъ ихъ заразы. Онъ понималъ, что не можетъ ничего дать ей въ замѣнъ, и что въ себѣ самой она не найдетъ удовлетворенія.

Отецъ мой и старшій дядя, окончивъ курсъ наукъ, поступили, первый въ иностранную коллегію, а второй въ морскую службу, и пріѣхали въ Воробново, чтобы повидаться съ семействомъ и показаться въ мундирахъ, которые льстили ихъ юношескому самолюбію.

— Вы уже не дѣти, сказалъ имъ мой дѣдушка,—и должны

знать свое состояніе. Вамъ необходимо приличное содержаніе, а это вы получите, но прихотей вы себѣ позволять не можете. Мнѣ самому ничего не нужно; мнѣ довольно стараго кафтана и изношенныхъ сапогъ, но вы не вправѣ разчитывать на лишній грошъ, потому что его приходилось бы отнять у вашего меньшаго брата и у сестеръ; не забывайте этого. Служите честно, и смотрите не запятнайте своего имени.

Дядя мой обнаружилъ съ дѣтства суровый и крутой, несимпатическій характеръ; отецъ мой, наоборотъ, былъ особенно счастливо одаренъ природой. Дальняя родственница, о которой я имѣла уже случай упомянуть, говорила о немъ: „Мнѣ кажется, что его бы и черти полюбили. Была я одинъ разъ больна и лежала, — слышу, что въ другой комнатѣ Владиміръ что то разказываетъ. Не вытерпѣла,—встала и пришла. Ты, говорю точно колдунъ какой; съ тобою и головную боль забудешь. А ужь какой красавецъ былъ! Да что и говорить, если самъ дядюшка слабость къ нему имѣлъ. Ни за что бывало не покажетъ, да вѣдь какъ тамъ ни скрывай, а людей не обманешь."

И дѣйствительно, дѣдушка гордился успѣхами сына, его красотой, его храбростью, которою тотъ отличался въ народную войну. Когда пришло извѣстіе, что мой отецъ раненъ подъ Лейпцигомъ, бабушка и тетки горько заплакали. Василій Семеновичъ блѣдный и смущеный ходилъ по комнатѣ. „Нечего плакать", сказалъ онъ наконецъ, „рана не опасная. Хуже было бы, еслибъ онъ боялся пули."

Двѣ мои старшія тетки воспитывались въ Москвѣ, у близкой родственницы своей матери; обѣ меньшія росли дома. Василій Семеновичъ былъ уже не молодъ, когда родился его послѣдній сынъ. Дѣдъ мой привязался къ нему страстно. Его слабость къ этому ребенку, не смотря на всѣ его усилія, проглядывала еще болѣе чѣмъ любовь его къ моему отцу. Одинъ Боренька пользовался правомъ являться во всякое время въ его кабинетъ и копаться въ его бумагахъ. Когда мальчику не здоровилось, Василій Семеновичъ вставалъ тихонько ночью и садился около его кроватки. Уѣзжая въ поле, онъ бралъ его съ собой въ дрожки, и съ нѣжною улыбкой давалъ ему вожжи въ руки. Домашніе часто пользовались вліяніемъ маленькаго фаворита, чтобы выпросить у моего дѣдушки какую-нибудь важную милость, и

только въ крайнихъ случаяхъ Василій Семеновичъ оставался неумолимъ къ просьбамъ сына. Эта привязанность озарила, какъ солнечный лучъ, сердце старика. Но Боренька подросъ, и настала пора отдать его въ пансіонъ. Колебался ли мой дѣдушка, объ этомъ никто не знаетъ, но онъ написалъ въ Москву, все уладилъ, далъ надлежащія инструкціи старому дядькѣ, которому поручался ребенокъ, и назначилъ день отъѣзда. Бабушка позвала священника и приказала отслужить молебенъ. Василій Семеновичъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но видимо старался превозмочь себя и поддержать бодрость сына. Когда подали экипажъ, всѣ сѣли по-русскому обычаю. Дѣдъ мой всталъ первый, всѣ поднялись за нимъ и перекрестились. Но когда расплаканный мальчикъ бросился къ нему на шею, слезы хлынули у него ручьемъ. Онъ поднялъ и крѣпко прижалъ ребенка къ своей груди, потомъ опустилъ его на полъ, вошелъ быстрыми шагами въ свой кабинетъ, и ключь щелкнулъ въ замкѣ.

Съ отъѣздомъ Бореньки, все приняло мрачный видъ въ Воробновѣ. Василій Семеновичъ не жаловался, но грусть лежала камнемъ на его крѣпкой душѣ. Другой, неожиданный ударъ сокрушилъ его окончательно. У матери его отъ перваго мужа была дочь, Марья Львовна. Василій Семеновичъ любилъ ее со всею нѣжностью брата. Она по большей части жила въ деревнѣ съ мужемъ, и вела съ Василіемъ Семеновичемъ постоянную переписку.

Разъ Марья Львовна увѣдомила, своего *батюшку-братца*, какъ она звала его, что она захворала, но по видимому не опасно.

Однако, въ слѣдующій почтовой день, мой дѣдушка былъ очень встревоженъ. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, не возвратился ли посланный на почту, и приказалъ закладывать дрожки чтобы выѣхать къ нему на встрѣчу. Между тѣмъ посланный возвратился, бабушка уже прочла роковую вѣсть о смерти Марьи Львовны. Какъ громомъ пораженная, она отправилась въ свою образную, и вся въ слезахъ положила земной поклонъ передъ кивотомъ. Потомъ она отерла глаза, выпила стаканъ воды, и вошла къ мужу. „Другъ мой, Василій Семеновичъ,“ сказала она нетвердымъ голосомъ, „пишутъ что Марьѣ Львовнѣ стало хуже.“ Онъ молча взялъ письмо у нея изъ рукъ, и развернулъ его. По мѣрѣ того какъ онъ читалъ, смертная

блѣдность покрывала его лицо; наконецъ губы задрожали, руки опустились на колѣни, и глаза уперлись неподвижно въ полъ. Бабушка, рыдая, бросилась къ нему на шею. Онъ долго не могъ придти въ себя, наконецъ поцѣловалъ ее, и сказалъ прерывающимся голосомъ: „Успокойся, Маша; поди, оставь меня одного.“

Тетка моя, Вѣра Васильевна, часто разказывала мнѣ объ этомъ времени. Дѣдъ мой не выходилъ двое сутокъ изъ своего кабинета, и доступъ къ нему лишь изрѣдка разрѣшался одной только бабушкѣ. „Когда на третій день папенька пришелъ къ обѣду, продолжала моя тетка, мнѣ показалось, что онъ постарѣлъ десятью годами. Я подошла поздороваться съ нимъ, и зарыдала. Онъ потрепалъ меня по щекѣ, поцѣловалъ нѣжнѣе обыкновеннаго, и сѣлъ за столъ. Во время обѣда онъ разспрашивалъ маменьку о ея хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Съ тѣхъ поръ все пошло въ домѣ обыкновеннымъ порядкомъ, но долго еще все ходили на цыпочкахъ мимо папенькиной двери, а про Марью Львовну никто упомянуть не смѣлъ.“

Болѣзнь, зародышъ которой Василій Семеновичъ давно уже носилъ въ себѣ, начала быстро развиваться съ этого дня. Онъ крѣпился до послѣдней минуты, но наконецъ физическія силы ему измѣнили. Разъ, по возвращеніи съ поля, онъ зашатался и упалъ безъ чувствъ. Его подняли и отнесли на кровать. Съ тѣхъ поръ онъ уже не вставалъ.

Бабушка любила разказывать о своей молодости и въ особенности о мужѣ. Я спросила ее разъ, какихъ религіозныхъ убѣжденій держался Василій Семеновичъ? Она помолчала не много. „Это до сихъ поръ мою душу мучитъ,“ сказала она наконецъ. „Въ церковь онъ что-то рѣдко хаживалъ; развѣ ужь я когда въ воскресенье войду къ нему: другъ мой, молъ, Василій Семеновичъ, не пойдешь ли сегодня къ обѣднѣ? Что жь, говоритъ пойдемъ. Тоже вотъ по постамъ онъ скоромное кушалъ. Очень это меня мучило, а сказать ему все какъ-то не рѣшалась. Разъ сидимъ мы за обѣдомъ, а я и стала угощать его пирогомъ, а на умѣ-то свое.—Славный, говорю, пирогъ; ты бы отвѣдалъ, и масла совсѣмъ не слышно.—Отказался. Подали соусъ, я его соусомъ:—Да ты, говорю; только попробуй, можетъ тебѣ по вкусу придется.—Его бывало не проведешь: тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло и разсмѣялся.—Вѣдь это ты, говоритъ, со мной

хитрить, Маша, тебѣ хочется меня на грибы посадить, такъ ты такъ прямо и скажи. Что за важность! Постное такъ постное; есть о чемъ говорить! Только ужь по утрамъ ты мнѣ разрѣши пить кофей со сливками, безъ этого я обойдтись не могу.—И съ тѣхъ поръ, продолжала бабушка, онъ всегда кушалъ постное; только вотъ этотъ проклятый кофей! Я и теперь ума не приложу, какъ это онъ все по своему понималъ. Никогда я не помню, чтобъ онъ разговоръ навелъ на божественные предметы; ну а если онъ о чемъ говорить не любилъ, такъ съ нимъ не заговоришь. А какъ вспомню я о его кончинѣ, такъ мнѣ кажется, что онъ истинно вѣровалъ.".

— А какъ же онъ скончался, бабушка?

Марья Андреевна глубоко вздохнула.

— Вѣдь это его смерть Марьи Львовны свалила, сказала она. — Долго онъ крѣпился, мой голубчикъ, и все былъ на ногахъ, а я-то видѣла, что онъ таетъ какъ свѣчка. А ужь какъ стало совсѣмъ худо, и вставать онъ уже не могъ, такъ онъ прибралъ свои бумаги, и самъ своею рукой написалъ какъ безъ него распорядиться. Понималъ, что ему плохо. Въ это время наши войска были въ чужихъ краяхъ. Какъ принесли послѣднее письмо отъ твоего папеньки, онъ его два раза перечиталъ и задумался, да вдругъ и говоритъ: „Еще не скоро Владиміръ возворотится, а знаешь, что, Маша, не послать ли за Боренькой?" Такъ у меня сердце и дрогнуло. Что́ же, говорю, мой другъ, можно хоть сейчасъ; мы же его давно не видали. И послали мы камердинера; славный такой былъ старикъ; ужь я знала, что онъ дорогой не замѣшкается. Да вѣдь Москва-то не рукой подать отъ Воробнова; все-таки туда и назадъ сутокъ пять проѣхать надо. А дѣдушкѣ, на другой же день, вижу, очень стало плохо. Думала я священника ему предложить, а вымолвить не смѣю. Мы съ тетеньками твоими отъ него не отходили; и такъ онъ къ намъ, голубчикъ мой, ласковъ былъ. Послѣ обѣда велѣлъ онъ намъ выйдти. „Меня, говоритъ, сонъ клонитъ, да и вы бы отдохнули." Пошли мы и сѣли въ маленькой прихожей, что возлѣ спальни была. Горько всѣ плачемъ, и перемолвиться словомъ не смѣемъ. Сердце все изныло. Ужь и не помню, долго ли мы тутъ просидѣли...

Она остановилась, слезы дрожали въ ея голосѣ; я поцѣловала ея руку.

— Вамъ тяжело объ этомъ говорить, бабушка, сказала я.

— Ахъ, какъ не тяжело. До сихъ поръ о немъ вспомнить не могу! Человѣкъ-то какой былъ! Какъ его всѣ уважали! Да что̀ и говорить! Ужь теперь такихъ нѣтъ... Вотъ сидимъ это мы, начала она опять, помолчавъ немного:— вдругъ онъ запѣлъ, да такимъ твердымъ голосомъ. Мы всѣ встали и слушаемъ. Что̀ жь ты думаешь? Это онъ поетъ: *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко*, и пропѣлъ все до конца. Я перекрестилась, отворила дверь, да такъ и бросилась къ нему; ужь и себя не помню. Сталъ онъ меня успокоивать. „А вѣдь ты, говоритъ, вѣрно рада, что я молитву-то такъ твердо знаю.“—Какъ же мнѣ, говорю, не радоваться, посуди ты самъ; вѣдь меня многое мучитъ, да я сказать тебѣ не смѣю. „Вздоръ, говоритъ, скажи, что̀ у тебя на душѣ, и я тебя вотъ чѣмъ еще потѣшу: я всѣ почти псалмы знаю наизусть, и очень ихъ люблю, а передъ Евангеліемъ вѣкъ преклонялся.“ Какъ свѣтлымъ праздникомъ онъ меня этимъ словомъ обрадовалъ. Видитъ онъ это, улыбается, и потрепалъ меня по щекѣ. „Я, говоритъ, знаю, чего тебѣ еще хочется. За священникомъ что ли послать?“ Я зарыдала. „Не падай, говоритъ, духомъ, дѣлать нечего, пришлось разставаться. На тебѣ теперь лежитъ великая обуза, побереги себя для дѣтей.“ Поцѣловалъ онъ твоихъ тетокъ, и выслалъ ихъ вонъ, а со мной долго говорилъ, и всѣмъ распорядился. На твоего папеньку онъ очень разчитывалъ, и дядя твой, Богъ съ нимъ, великій грѣхъ на его душѣ, что онъ смутилъ послѣднія минуты отца. Прости меня Боже, я даже рада, что его тутъ не было. Василій Семеновичъ хорошо его зналъ. Все приказывалъ, чтобы папенька не давалъ ему въ обиду Бореньку да сестеръ. Какъ онъ все это мнѣ сказалъ: „теперь, говоритъ, я покоенъ; хочешь, такъ посылай за священникомъ.“ Ужь я и не помню, что̀ со мной было, пока его пріобщали. Какъ ушелъ священникъ, онъ подозвалъ меня и спрашиваетъ: „Ну что̀, покойна ты теперь?“ Къ ночи онъ впалъ въ забытье, да вдругъ проснулся, и смотритъ на меня; я къ нему подошла и стала его разспрашивать, какъ онъ себя чувствуетъ. А онъ на мои слова не отвѣчаетъ, да только спросилъ: „Когда Боренька пріѣдетъ?“

да тутъ же закрылъ опять глаза, и уже ничего не говорилъ. А къ утру скончался.

Хранится до сихъ поръ, написанный масляными красками, портретъ моего дѣдушки. Онъ изображенъ въ пудрѣ, съ буклями на вискахъ, въ свѣтло-синемъ кафтанѣ и батистовомъ жабо. Подъ неправильными линіями неискусной кисти, взоръ можетъ однако различить благородныя и строгія черты. Глядя на счастливый окладъ лица, на высокій лобъ, крупныя губы и прямой взглядъ большихъ черныхъ глазъ, вспомнишь невольно о гербовомъ девизѣ, которымъ онъ такъ гордился: *правда*.

III. Маргарита Кириловна.

Послѣ кончины своего мужа, моя бабушка переѣхала въ Москву и поселилась въ старинномъ родовомъ домѣ, доставшемся Василію Семеновичу послѣ отца. Въ одномъ изъ московскихъ монастырей жила тогда мать ея, Маргарита Кириловна. Она скончалась въ тридцатыхъ годахъ, около девяноста лѣтъ отъ роду. Насъ важивали къ ней, и мнѣ очень памятна ея низенькая и тѣсная келья. Въ прихожей насъ встрѣчала обыкновенно, повязанная платкомъ, женщина, которая ходила за прабабушкой. Она присаживалась на полъ, чтобы снять съ насъ шубы и теплые сапоги, и говорила съ значительною улыбкой: „А бабушка вамъ полакомиться приготовила." Мы уже знали заранѣе въ чемъ будетъ состоять угощеніе, и только спрашивали у Анны: „А котеночка ты намъ дашь поиграть?"

Изъ прихожей одна дверь вела въ кухню, а другая въ спальню прабабушки, или *старой бабушки*, какъ мы ее называли. Эта спальня, перегороженная надвое ширмами, служила также пріемной и столовой. Въ углу стоялъ большой кивотъ съ образами, рядомъ маленькій комодъ; на стѣнѣ висѣли часы съ хриплымъ боемъ, и картина изображающая Спасителя въ темницѣ. У другой стѣны большія кресла, въ которыхъ вѣчно сидѣла *старая бабушка* передъ рѣзнымъ, овальнымъ столикомъ, и нѣсколько креселъ, обтянутыхъ черною кожей, а за ширмами бабушкина кровать, другой шкапъ съ образами, и огромная лежанка, которая

топилась изъ кухни: вотъ все убранство этой маленькой комнаты тускло освѣщенной двумя узенькими окнами.

Маргарита Кириловна была худенькая старушка, когда-то высокаго роста, но давно уже сгорбленная годами. Правильныя и красивыя черты еще проглядывали исквозь ея безчисленныя морщины. Ея голубые глаза не утратили своего выраженія, и зрѣніе не измѣнило ей до послѣдней минуты; она никогда не знала очковъ, и очень искусно вырѣзывала самые тонкіе узоры изъ бумаги. Я очень помню ее подъ ея монашескою рясой, помню даже бородавку на ея правой щекѣ. Четки и святцы лежали обыкновенно передъ нею на ея старинномъ столикѣ.

— А ты, кажется, передъ образомъ-то и не поклонилась, говорила она обыкновенно, когда мы подходили къ ней здороваться, и заставивши насъ перекреститься, она кликала свою служанку:—Аннушка! (Замѣчательно, что наперекоръ тогдашнимъ привычкамъ, она никого не называла уничижительнымъ полуименемъ.) Угости-ка дѣтей.“ И Анна являлась съ двумя синими фаянсовыми тарелками въ рукахъ: на одной лежали кедровые орѣшки, которыхъ я съ тѣхъ поръ не могла никогда видѣть чтобы не вспомнить о *старой бабушкѣ*, а на другой—развареный черносливъ.

— А что же котенокъ, Анна? спрашивали мы опять. Являлся и котенокъ, котораго мы мучили немилосердно, оспаривая другъ у друга счастіе подержать его на колѣняхъ. Онъ вырывался, наконецъ, изъ нашихъ рукъ и укрывался подъ бабушкино кресло. Мы бросались на полъ и старались вытащить забившееся къ стѣнѣ бѣдное животное, пока наконецъ мать моя не возвышала голоса: „Полноте, вы бабушку безпокоите, я васъ сюда возить не буду,“ говорила она.—„Оставь ихъ, другъ мой Дунюшка, прерывала ее добрая старушка,—я рада, что имъ у меня весело.“

Всѣ любили и уважали Маргариту Кириловну. Различіе въ свѣтскомъ положеніи не имѣло вѣса въ ея глазахъ, и она одинаково принимала всѣхъ. Многіе захаживали къ ней въ минуту скорби, какъ говорится, *душу отвести*. Мудрыхъ рѣчей она говорить не умѣла, но съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ готова была раздѣлить всякое горе, что съ ней дѣйствительно *душу отводили*. Она бывало и потолкуетъ, и поплачетъ, и обѣщаетъ помолиться, и наконецъ

надѣнетъ на скорбящаго ладонку принесенную отъ святыхъ мощей или четки подаренныя ей іерусалимскимъ монахомъ, и посовѣтуетъ отслужить молебенъ у Иверской Божіей Матери. Хотѣли старушку выбрать въ игуменьи, но она отказалась. „Увольте, владыко", сказала она митрополиту. „Теперь я частехонько выговариваю молодымъ монахинямъ, и побраню ихъ иной разъ, и онѣ меня слушаются и любятъ, а попади я въ начальницы, меня пожалуй и любить не станутъ."

Ходить она уже не могла, и ее возили въ креслахъ къ церковнымъ службамъ. Исторія ея походитъ на сказку. На ея отца было показано *слово и дѣло.* Преступленіе Кирилы Васильевича состояло въ томъ, что онъ оказалъ милосердіе какому-то арестанту ввѣренному его надзору. Одинъ изъ Елисаветинскихъ временщиковъ воспользовался этимъ случаемъ чтобы погубить обвиненнаго. Несчастный поплатился почти всѣмъ своимъ имѣніемъ, и былъ брошенъ въ тюрьму. Жена его Прасковья Артамоновна, благодаря покровительству тюремнаго надзирателя, имѣла съ нимъ свиданія и брала съ собою дочь. Маргарита Кириловна помнила ужасъ, которымъ было поражено ея дѣтское воображеніе при видѣ мрачной темницы, въ которую онѣ входили съ фонаремъ среди бѣлаго дня. Она помнила блѣднаго, страждущаго отца, исхудалаго и обросшаго бородой. Наконецъ онъ вышелъ изъ тюрьмы, но почти нищій, больной, разбитый и не долго пожилъ. Вдова его, погруженная въ глубокое отчаяніе, одѣвалась въ траурное платье, распускала волосы по плечамъ, брала за руку дочь и направляла нетвердые шаги къ палатамъ своего врага. Она садилась на земь, подъ окномъ, и не взирая на слезы ребенка, который прижимался къ ней со страхомъ, умоляя ее уйдти домой, начинала гробовымъ голосомъ пѣть псаломъ проклятія: *Да будетъ дворъ ихъ пустъ, и въ жилищахъ ихъ да не будетъ живущаго.* И вельможа, пробуждаемый каждый день этою грозною пѣснью, не смѣлъ однако отогнать отъ своего порога полубезумную женщину. Но не прошло года, поблекла и его звѣзда, и *дворъ его остался пустъ, и въ жилищахъ его не было живущаго.*

Не это походитъ на сказку, но вотъ и сказочный эпизодъ. Прасковья Артамоновна поняла наконецъ, что надобно спасти остатки имѣнія, чтобъ упрочить кусокъ хлѣба

себѣ и дочери. Но живши въ совершенной почти крайности, среди вѣчныхъ хлопотъ и разъѣздовъ по дѣламъ, она не могла оставить дѣвочку при себѣ, и ввѣрила ее попеченію родственницы своего мужа.

Не привѣтливъ чужой кровъ. У хозяйки, богатой вдовы, были двѣ взрослыя дочери. Маргарита Кириловна вышивала серебромъ и золотомъ ихъ блестящіе наряды, была у нихъ на посылкахъ, выслушивала, глотая слезы, ихъ выговоры; и ей не рѣдко попрекали кускомъ хлѣба. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Съ годами молодая дѣвушка стала все болѣе и болѣе сознавать горечь своего положенія, и тѣмъ болѣе что она рѣдко видѣлась съ матерью.

Наконецъ вдова стала заботиться о томъ, чтобы пристроить дочерей. Къ ней ходила сваха, которая явилась разъ съ извѣстіемъ, что у нея на примѣтѣ отличный женихъ: онъ хоть и не молодъ и вдовъ, но человѣкъ надежный и богобоязливый, а денегъ у него куры не клюютъ. Свахѣ было обѣщано богатое награжденіе, и завидный женихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, пріѣхалъ въ домъ, гдѣ ожидали его разряженныя невѣсты. Но не онѣ привлекли его вниманіе, а стала ему съ тѣхъ поръ все мерещиться полузабитая красивая пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Андрей Петровичъ обратился опять къ свахѣ, которая обѣщала сладить дѣло. Не вспомнила себя вдова, когда узнала, что не которая-нибудь изъ ея дочерей, а сиротинка, пригрѣтая ею изъ милосердія, приглянулась жениху. Она объявила на отрѣзъ, что скорѣе задушитъ молодую дѣвушку, а замужъ не отдастъ, и свахѣ запретила на полъ-двора показываться. Гнѣвъ ея разразился громомъ на Маргариту Кириловну: „Такъ вотъ какое, она сказала, спасибо за хлѣбъ-соль! Вѣдь не спроста бросилась она въ глаза Андрею Петровичу: она его приворожила. Въ тихомъ омутѣ черти водятся! Уже давно замѣтили, что она съ чортомъ водится и нашептывать умѣетъ.“

И страшное гоненіе началось противъ бѣдной дѣвушки. Ее сослали на кухню, приставили къ черной работѣ, и ея бѣдная одежда была замѣнена уже совершеннымъ рубищемъ. Но не даромъ сказано: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Тоскуетъ день и ночь Андрей Петровичъ, а вѣдь ужь пошелъ ему шестой десятокъ. Не ѣстъ онъ и не пьетъ, и сердце все изныло. Какъ ни билась сваха, какъ ни увѣ-

ряла его, что у нея на примѣтѣ много другихъ невѣстъ, и пригляднѣй и лучше, — онъ все свое: Не Маргариту Кириловну, такъ и никого не надо. А лишь бы ему жениться на ней, онъ озолотитъ сваху съ ногъ до головы.

И стала придумывать, и придумала наконецъ сваха какъ горю помочь. Она нашла средство увѣдомить Прасковью Артамоновну, которая находилась въ отлучкѣ. Бѣдная женщина поторопилась возвратиться въ Петербургъ, и Маргарита Кириловна перебралась на ея скромную квартиру. А за Андреемъ Петровичемъ дѣло не стало. Онъ обвѣнчался черезъ нѣсколько дней, и съ сіяющемъ лицомъ привезъ молодую хозяйку въ свой богатый, полный какъ чаша, домъ.

Отдохнула наконецъ и безпріютная вдова. Она поселилась у молодыхъ, и стала радоваться ихъ счастью. У Андрея Петровича было три дочери отъ первой жены; онѣ скоро привязались къ Маргаритѣ Кириловнѣ, а Маргарита Кириловна къ нимъ, и до послѣдней минуты ея жизни онѣ ее звали *матушкой*, и цѣловали у ней руку. Бѣдная дѣвушка попала въ какой-то волшебный міръ. Слово ея сдѣлалось закономъ въ домѣ, стала она рядиться въ атласъ и бархатъ, мужъ не могъ наглядѣться на нее и вывозилъ на пиры и собранія, которые потѣшали ее какъ ребенка. Андрей Петровичъ не опасался грѣха: онъ зналъ, что жена его воспитана въ страхѣ Божіемъ и что Прасковья Артамоновна строго держитъ дочь, и не оставляетъ ее своими благочестивыми совѣтами. Но когда скончалась его теща, старикъ сталъ подозрителенъ и началъ замѣчать, что чей-то страстный взоръ обращается на его молодую жену, и призадумалась его сѣдая голова. Вспомнилъ онъ, что бережнаго и Богъ бережетъ, и рѣшился караулить день и ночь свое сокровище. И богатыя палаты обратились въ монастырь для молодой женщины. Мужъ потѣшалъ ее по прежнему и подарками и нарядами, но прервалъ знакомство со всѣми, и не позволялъ ей даже выѣхать въ церковь, когда не могъ самъ слѣдовать за ней. Знала Маргарита Кириловна, что жена должна во всемъ повиноваться мужу, что Андрей Петровичъ спасъ ее отъ нищеты и униженія, что она ему обязана всѣмъ, и что онъ къ ней ласковъ и добръ; но горько ей было, какъ пташкѣ, жить въ позолоченой клѣткѣ. Сидитъ она бывало цѣлый день за пяль-

цами, съ своими падчерицами, или читаетъ *Четьи-Минеи* для развлеченія, или прикажетъ позвать изъ многочисленной дворни какую-нибудь старушку, мастерицу разказывать сказки, либо заставитъ сѣнныхъ дѣвушекъ пѣсню спѣть. Но когда мимо ея оконъ всѣ въ праздничныхъ одеждахъ торопились на гулянье, или въ свѣтлый зимній день катились санки за санками по Невской набережной, Маргарита Кириловна утирала тайкомъ слезы.

Такъ прошли четыре года. Она была уже матерью двухъ сыновей и дочери—моей бабушки. Сжалился ли надъ нею мужъ, убѣдился ли онъ, что съ такою женою нечего бояться грѣха, но дѣло въ томъ, что онъ отворилъ широко передъ ней двери и пригласилъ ее нарядиться на славу, и показаться добрымъ людямъ, да къ тому же и его старшихъ дочерей скоро пора хоть за столъ сажать.

И зажила опять веселою жизнью Маргарита Кириловна. Ея привязанность къ мужу росла съ каждымъ днемъ. Года черезъ два Богъ послалъ ей еще дочь, и она стала опять беременна, когда занемогъ отчаянно Андрей Петровичъ. Несмотря на свое положеніе и на безсонныя ночи, она не знала устали и не отходила отъ умирающаго. Ему становилось легче, когда голова его покоилась на рукахъ молодой жены, а она, сидя у его кровати, только бывало припадетъ къ подушкѣ и вздремнетъ немножко. Разъ уснулъ Андрей Петровичъ, а она, по обыкновенію, поддерживаетъ его голову, и вдругъ чувствуетъ уже знакомыя боли. Отъ мужа она отойдти не смѣла, боясь его разбудить, и терпѣла на сколько было силъ, и только приказала шепотомъ служанкѣ послать за повивальною бабушкой. Когда бабушка явилась, Маргарита Кириловна, блѣдная и дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трудомъ сдерживала болѣзненный крикъ. Къ счастію, Андрей Петровичъ открылъ глаза: она ввѣрила его попеченію старшихъ дочерей, и подъ предлогомъ что отдохнетъ немножко, вышла въ отдаленную комнату и упала изнеможенная на приготовленную для нея постель. Не прошло получаса какъ вскрикнулъ ребенокъ, и въ ту же минуту вошла въ комнату горничная, съ тѣмъ что Андрею Петровичу очень плохо, и онъ спрашиваетъ Маргариту Кириловну.

„Должно быть не на радость родился ты, горемычный“, сказала бѣдная мать, благословляя сына дрожащею

рукой. Она накинула душегрѣйку, и шатаясь вошла, съ помощью горничной, въ комнату мужа. Взоръ умирающаго уже искалъ ее съ безпокойствомъ. Онъ узналъ ее когда она къ нему нагнулась, чтобъ поцѣловать его уже холодную руку, и назвалъ ее слабымъ голосомъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ гробоваго молчанія, она закрыла ему глаза, потомъ положила земной поклонъ передъ образомъ, стоявшимъ у его изголовья, и упала безъ чувствъ.

Горько и долго плакала она, но пришла пора подумать и о семействѣ. Она пристроила двухъ падчерицъ, опредѣлила сыновей въ гвардію, потомъ и ихъ свадьбы отпраздновала, и переѣхала изъ Петербурга на житье въ Москву. Тутъ она отдала замужъ мою бабушку, а младшая ея дочь и одна изъ падчерицъ отказались отъ замужества, и жили попеременно то у братьевъ переселившихся также въ Москву, то у замужнихъ сестеръ. „Теперь всѣ на ногахъ, и Богъ привелъ всѣхъ пристроить,“ сказала Маргарита Кириловна: „пожила я довольно въ мірѣ, пора мнѣ отдохнуть.“ И постриглась она въ монастырь.

Маргарита Кириловна была живаго и вспыльчиваго нрава: но когда она перешагнула черезъ порогъ своей кельи, то дала обѣтъ укротить себя, и не возвышать ни на кого голоса, и этотъ обѣтъ она сдержала свято. „Трудно мнѣ было на первыхъ порахъ,“ говорила она, „но Богъ мнѣ помогъ осилить окаяннаго“.

Теплая вѣра никогда не покидала ея. Многіе помнятъ еще какъ сгорѣла часть монастыря, въ которомъ она жила. При сильномъ вѣтрѣ мудрено было остановить пожаръ. Семейство и многочисленная родня съѣхались со всѣхъ концовъ Москвы къ монастырской оградѣ. Каждый явился съ тѣмъ чтобъ увезти къ себѣ старушку, но когда вошли къ ней, она молилась съ невозмутимымъ спокойствіемъ, перебирая медленно свои четки. Изъ другихъ келій наносили къ ней бездну узловъ и сундучковъ, и повѣрили ея надзору дѣтей, которыя гостили въ это время у монахинь. Она и дѣтей поставила на колѣни и велѣла имъ молиться, да отклонитъ Господь напасть. Стали ее уговаривать, чтобъ она выѣхала изъ монастыря. „Нѣтъ, друзья мои“, сказала она, „отъ Божьяго гнѣва не уйдешь, а не попуститъ Онъ, не сгоришь и въ огнѣ. Вотъ сколько мнѣ добра нанѣсли, и дѣтей ко мнѣ привели, не бросить же мнѣ ихъ.“

Предлагали ей увезти и дѣтей, и все *добро*, но она опять отказалась. „Пусть дѣти здѣсь останутся; ихъ молитвы дойдутъ до Бога, а безъ Его святой воли бѣды не приключится.“ Видя, что ее убѣдить нельзя, одинъ изъ моихъ дядей бросился къ брантъ-майору, и просилъ его обратить вниманіе на эту ветхую келью, которая вспыхнетъ какъ солома отъ малѣйшей искры.

— Тутъ, прибавилъ онъ,—нѣсколько человѣкъ дѣтей и старуха девяноста почти лѣтъ.

— Вывозите ихъ скорѣй, отвѣчалъ тотъ,—вѣтеръ дуетъ въ эту сторону, и я ни за что не ручаюсь.

Но и это не убѣдило Маргариту Кириловну. „Молитесь“, сказала она, обращаясь къ дѣтямъ; „Богъ не спасетъ, такъ не спасетъ никто.“ Брантъ-майоръ былъ принужденъ набросить щиты на келью, и приставить къ ней часть своей команды. Всѣ ожидали съ замирающимъ сердцемъ конца этой драмы. Когда удалилась полиція, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обгорѣлыхъ столбовъ, стояла ветхая келья, въ которую стекались плачущія монахини, чтобъ получить благословеніе старушки и услышать отъ нея слово утѣшенія.

Прямаго потомства отъ нея и ея мужа считали семьдесятъ два человѣка. Когда пріѣзжали поздравить ее съ праздникомъ или именинами, не было возможности помѣститься въ ея келейкѣ. Лѣтомъ многіе тѣснились у ея оконъ, и передавали ей со двора свои поздравленія; зимой, одни дожидались въ экипажахъ, чтобъ имъ другіе уступили мѣсто. „Богъ благословилъ нашъ родъ“, говорила старушка, со слезами на глазахъ. Когда ей объявили о рожденіи перваго праправнучка, она медленно поднялась съ своихъ креселъ, и положила земной поклонъ. „*Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ*“, молвила она.

Старшая изъ ея падчерицъ, Анна Андреевна, которая была только семью годами моложе ея, родилась съ страстнымъ характеромъ и пылкимъ умомъ. Она была замѣчательной красоты; но только что ей минуло двадцать лѣтъ, ее обезобразила болѣзнь. Молодая дѣвушка поняла, что жизнь ея убита, и впала въ глубокое отчаяніе. Однако мало-по-малу она пришла въ себя, и употребила всѣ усилія, чтобы насильственно привить къ себѣ религіозный фанатизмъ. Долго боролась она съ своею молодостью и неугомоннымъ сердцемъ. Она говорила, что не хочетъ слѣпой и

дѣтской вѣры, и несмотря на увѣщанія Маргариты Кириловны, которая твердила, что грѣшно идти на искушеніе й что врагъ силенъ, она перечла всѣ творенія французскихъ философовъ, и бодро вызывала каждаго на религіозный споръ. Наконецъ, когда она сознала, что почва тверда подъ ея ногами, она вступила въ монастырь. Молодость ея миновала уже давно, но она не довѣряла своей мятежной природѣ и умерщвляла себя веригами и строгимъ постомъ. Ея неукротимый нравъ выражался во всемъ. „Матушка настоящая святая", говорила она, „никѣмъ не тяготится, и принимаетъ одинаково и умнаго, и глупаго. И я поставила себѣ въ обязанность никому не отказывать, но, грѣшный человѣкъ, не умѣю безъ ропота нести этотъ крестъ."

Воспоминанія мои о ней довольно смутны. Когда мнѣ сказали, что меня повезутъ еще къ другой бабушкѣ-монахинѣ, я охотно одѣлась и весело сѣла въ карету съ моею матерью, въ полномъ убѣжденіи, что меня ожидаютъ кедровые орѣшки, чернославъ и сѣренькій котенокъ. Но когда я поцѣловала руку у безобразной старухи, она только спросила у моей матери: „Которая это у тебя? Какъ ее зовутъ? Который ей годъ?"—и уже больше не занималась мной. Я помню много образовъ въ богатыхъ окладахъ, и стоявшій возлѣ меня шкапъ съ книгами. Не понимая ничего въ разговорѣ, который бабушка завела съ моею матерью, я старалась разобрать заглавія книгъ, но они мнѣ показались такъ мудрены, что я принялась разсматривать образа, и ждала съ нетерпѣніемъ минуты отъѣзда. Наконецъ когда мать моя стала прощаться, Анна Андреевна сказала ей: „Давненько я матушки не видала. Будешь у нея, такъ поцѣлуй за меня ручку, да попроси ея благословенія."

Не разъ переѣзжала она изъ монастыря въ монастырь, не находя нигдѣ того покоя, для котораго не было зароныша въ ея душѣ. Она было свила себѣ гнѣздо въ окрестностяхъ Москвы. Тамъ всѣ поклонялись ея свѣтлому уму и строгой жизни, и она стала бояться наконецъ чтобы не обуялъ ею духъ гордыни, и не уничтожилъ бы столькихъ лѣтъ поста, молитвы и истязаній, и опять пріютила ее новая обитель.

Маргарита Кириловна скончалась тихо и безъ страданій. Анна Андреевна пережила ее нѣсколькими годами.

IV. Переселеніе въ Москву.

Бабушка моя, переселившись въ Москву, собрала около себя все свое семейство, которое состояло изъ трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Я уже сказала, что обѣ старшія мои тетки воспитывались у близкой родственницы. Одну изъ нихъ, Надежду Васильевну, мало знали въ семействѣ; другая, Наталья Васильевна, часто ѣзжала гостить въ Воробново. Я ея не знала, но всѣ говорятъ, что она была предобрая и примилая женщина. Младшія мои тетки, которыя были очень дружны между собой, нѣжно къ ней привязались. Вѣра Васильевна часто говорила о ней, утирая слезу. „C'était le bon ange de la famille." Въ ней было примиряющее свойство, которое дѣйствовало благотворно на всѣхъ окружающихъ. Все семейство привыкло руководиться безпрекословно волею моего дѣдушки; но какъ скоро его не стало, каждая личность высказалась рѣзко, и начались семейныя междоусобія, въ которыхъ Наталья Васильевна всегда являлась примирительницей.

Вѣра Васильевна наслѣдовала отъ отца его благородныя свойства, но жизнь развила въ ней крутой нравъ. Природа счастливо одарила ее, и побалуй ее немного судьба, она была бы замѣчательною женщиной. Но умъ ея не получилъ надлежащаго развитія въ тѣсной средѣ, на которую она была обречена, и ея страстная природа, всегда стѣсненная, всегда подъ гнетомъ какого-нибудь горя, наконецъ разбила ее. Она ничего не забывала, и горькія воспоминанія, накопляясь съ каждымъ днемъ въ ея душѣ, ожесточали ее все болѣе и болѣе. Для нея было необходимо замужество и счастіе; смягчающее вліяніе любимаго человѣка привело бы къ полному развитію богатые зародыши, которые вложила въ нее природа. Но при неблагопріятной обстановкѣ они пропитались желчью, и обратились противъ нея самой.

Надежда Васильевна представляла самую рѣзкую противоположность съ ней. Она была положительно умна, но никогда ни надъ чѣмъ не задумывалась; благодаря ея равно-

душію ко всему, у нея былъ самый уживчивый характеръ, и она не утратила своей веселости и живости до послѣдней минуты своей жизни. Въ самой ея добротѣ проглядывалъ несокрушимый эгоизмъ. Она никогда не отказывалась подать благой совѣтъ разбитому сердцу. „Надо разсѣяться,“ говорила она, „можно съѣздить и въ театръ и на гулянье.“ Но когда она имѣла дѣло съ людьми, которые требовали утѣшенія подѣйствительнѣе, то она удалялась, потому что чужое горе тяготило ее. И отъ семейнаго горя она убѣгала точно также. „Вѣдь ужь я не помогу,“ говорила она: „по крайней мѣрѣ хоть сама развлекусь немножко,“— и уѣзжала на вечеръ.

Вѣра Васильевна поняла скоро, что имъ не сойдтись. Однако, когда онѣ начали жить вмѣстѣ, Наталья Васильевна, къ которой обѣ онѣ были привязаны, сдѣлалась соединяющимъ звеномъ между ними, не смотря на рѣзкое различіе ихъ характеровъ, воспитанія и привычекъ.

У моей бабушки было доброе и привязчивое сердце, но на глубокое чувство она была не способна. Она горячо оплакивала каждое несчастіе, поражавшее ее, но время брало свое. Слезы обыкновенно навертывались на ея глазахъ при воспоминаніи о быломъ горѣ, но горе не оставляло въ ней неизгладимыхъ слѣдовъ. Тяжело ей было послѣ кончины Василья Семеновича, но надо было подумать о переселеніи въ Москву, а потомъ объ устройствѣ новаго хозяйства. Не разъ она плакала среди домашнихъ хлопотъ, и долго говорила, что сердце ея обливается кровію, когда на вечерней и утренней молитвѣ ей приходится поминать моего дѣдушку въ числѣ усопшихъ; однако дѣло шло своимъ чередомъ. Устроившись наконецъ, надо было чѣмъ-нибудь наполнять день. Въ Москвѣ хозяйство не такъ сложно какъ въ деревнѣ, но и въ деревнѣ она любила и выѣзжать и принимать у себя; къ тому же не даромъ говорятъ, что на людяхъ и смерть красна. Бабушка моя начала съ родственныхъ домовъ, но кругъ ихъ былъ не довольно обширенъ, а такъ какъ ограниченныя средства не позволяли ей искать новыхъ знакомствъ въ свѣтѣ, да къ тому же она стала не разборчива на свои связи, благодаря средѣ, въ которой она жила столько лѣтъ послѣ своего замужества, то и наполнила она свою гостиную слишкомъ извѣстными типами, полумѣщанъ, полу-

дворянъ, и образовала себѣ изъ нихъ пріятельскій кружокъ. Тягаясь за аристократическимъ блескомъ, эти люди утратили свою патріархальную и истинно-уважительную сторону, и очень напоминали Гоголевскихъ героевъ. Съ другой стороны мои старшія тетки, воспитанныя совершенно въ другомъ кружкѣ, поддерживали, на сколько было возможно, свои свѣтскія знакомства, такъ что домъ представлялъ самую разнообразную смѣсь сословій, лицъ и образованій.

Въ это время крѣпко еще держался на святой Руси патріархальный бытъ, и *родство* было священнымъ словомъ. Частехонько случалось, что пріѣдетъ бывало изъ отдаленной губерніи, съ чадами и домочадцами, почтенная мать семейства, которая называла Марью Андреевну *тетушкой*, потому что доводилась по мужу троюродною племянницей моему дѣдушки, и поселялась на нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ, съ тѣмъ чтобы лѣчить больную дочь или пристроить сына въ корпусъ, и домъ былъ постоянно оживленъ пріѣзжими лицами. На святкахъ мои тетки ѣздили подъ масками изъ дома въ домъ, въ сопровожденіи братьевъ и какой-нибудь замужней пріятельницы, или зазывали къ себѣ гостей и пѣли по цѣлымъ вечерамъ модные романсы подъ звуки клавикордъ, или играли въ *secrétaire* и *bouts-rimés*, и весело жилось всей этой молодежи. Бабушка обыкновенно присутствовала тутъ же, сидя у стола, на которомъ кипѣлъ огромный самоваръ, и привѣтствовала каждаго своею ласковою и радушною улыбкою.

Старшій мой дядя, Левъ Васильевичъ, поражалъ своимъ физическимъ безобразіемъ. Было что-то отталкивающее въ смугло-красномъ цвѣтѣ его лица, въ умномъ, но зломъ выраженіи его маленькихъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, въ толстомъ носѣ, испещренномъ синими жилками, въ циническомъ выраженіи губъ, и въ щетинистыхъ, обстриженныхъ подъ гребенку волосахъ. Онъ былъ роста невысокаго, но крѣпко сложенъ. Животная сила высказывалась въ его широкихъ плечахъ, и неуклюжей, жилистой рукѣ, сгибавшей однимъ движеніемъ серебряный рубль.

Онъ никогда не могъ простить моему отцу ни его красоты, ни его успѣховъ, ни изящныхъ пріемовъ вывезенныхъ имъ изъ-за границы. Понимая что было бы безполезно вступать съ нимъ въ борьбу, онъ, какъ говорится, рѣшился

взять другимъ, и началъ цинически хвастать своимъ безобразіемъ, угловатостью и грубостью выраженій. Онъ называлъ себя *сыномъ природы*, говоря что не умѣетъ стѣснять себя ни въ чемъ, плясалъ въ присядку, и словомъ привилъ себѣ придуманную имъ самимъ дикую оригинальность.

— Бога ты не боишься, Левъ, говорила иногда моя бѣдная бабушка, сконфуженная какою-нибудь черезчуръ неприличною выходкой,—просто осрамилъ меня давича при гостяхъ; въ краску вогналъ.

— Я сынъ природы, отвѣчалъ онъ обыкновенно,—и не то еще дѣлаютъ на Алеутскихъ островахъ.

— Я отъ тебя всего ожидаю, говорила старушка, подъ вліяніемъ самаго искренняго страха:—ты пожалуй когда-нибудь уморишь меня совсѣмъ: явишься въ костюмѣ дикаго.

Ужасъ, который онъ внушалъ всѣмъ окружающимъ, льстилъ его грубому самолюбію. Онъ былъ въ полномъ торжествѣ, когда могъ оскорбить чьи-нибудь чувства, убѣжденія, или даже общепринятыя приличія. Когда служили всенощную на дому, онъ усаживался въ двухъ шагахъ отъ священника, съ стаканомъ чая и съ трубкой въ рукахъ. Женился онъ для того только чтобы выиграть пари, заключенное имъ вслѣдствіе довольно неприличной шутки, и чрезъ нѣсколько лѣтъ бросилъ жену и дѣтей. Въ первый годъ его женитьбы у него родился сынъ. Мальчика назвали Сергѣемъ, и онъ скоро умеръ. Жена Льва Васильевича, у которой былъ свой взглядъ на вещи, говорила оплакивая ребенка, что она сама виновата въ своемъ несчастіи, потому что у нихъ въ роду никогда не оставались въ живыхъ дѣти названные этимъ именемъ: „Ужь должно-быть это не угодно великому угоднику Сергію“, заключала она.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ мой дядя:—такъ увидимъ же, кто кого переспоритъ, твой великій угодникъ меня, или я его. Дай только родиться у меня второму сыну!

Когда родился второй сынъ, Левъ Васильевичъ, не взирая на слезы жены, или скорѣе чтобъ идти наперекоръ ея слезамъ и просьбамъ, назвалъ опять ребенка Сергѣемъ, и ребенокъ умеръ черезъ годъ. Въ послѣдствіи, въ продолженіи каждой своей беременности, тетка моя очень боялась рожденія сына, а Левъ Васильевичъ былъ въ отчаяніи, что у него все рожались дочери.

— Еслибъ было двѣнадцать сыновей, говорилъ онъ,—я бы всѣхъ двѣнадцать окрестилъ однимъ и тѣмъ же именемъ.

Разъ кто-то разказывалъ, что на гуляньяхъ очень щеголяютъ нарядами и экипажами, на что Левъ Васильевичъ объявилъ, что онъ въ слѣдующее воскресенье явится подъ Новинскимъ въ телѣгѣ. Когда ему замѣтили, что полиція не допуститъ этого, онъ отвѣчалъ, что пойдетъ на проломъ и поставитъ на своемъ. И дѣйствительно, онъ велѣлъ приготовить усланную сѣномъ телѣгу, надѣлъ старый халатъ и ермолку, взялъ въ руки огромный чубукъ, положилъ къ себѣ нагайку и приказалъ кучеру ѣхать на гулянье. Какъ только этотъ странный экипажъ подъѣхалъ къ тянувшемуся ряду блестящихъ каретъ, жандармъ закричалъ чтобы телѣга отъѣзжала. Вмѣсто отвѣта мой дядя ударилъ нагайкой жандармову лошадь, которая бросилась въ сторону, и кучеръ, получившій заранѣе свои инструкціи, воспользовался этою минутой чтобы въѣхать въ рядъ. Тутъ уже не было возможности остановить телѣгу: она медленно потянулась за экипажами. Полицеймейстеръ, узнавъ въ чемъ дѣло, подъѣхалъ къ Льву Васильевичу, и замѣтилъ ему, что такая выходка можетъ навлечь непріятности на того, кто ее позволилъ себѣ.

— А почему такъ?

— Потому что подобный экипажъ и подобный костюмъ не приличны на публичномъ гуляньи.

— А я нахожу, что гораздо неприличнѣе показаться на публичное гулянье съ такою бородавкой на носу, какъ у васъ. У каждаго свое мнѣніе.

— Ваше замѣчаніе не заслуживаетъ возраженія, отвѣчалъ тотъ:—но рѣчь идетъ не о различіи мнѣній, а о томъ что каждый здѣсь обязанъ подчиняться распоряженіямъ полиціи.

— А я нахожу что не обязанъ, но еслибъ и такъ, то почемъ мнѣ знать эти распоряженія? Гдѣ онѣ напечатаны? Я ихъ не читалъ.

— Васъ предупреждалъ жандармъ, но вы позволили себѣ ударить его лошадь нагайкой.

— А въ какихъ законахъ написано, что я жандармской лошади не долженъ бить нагайкой? Впрочемъ я не люблю разговаривать когда курю.

Тутъ онъ обернулся къ полицеймейстеру спиной, и разлегся въ своей телѣгѣ.

Онъ не разъ проживалъ свое состояніе, и находилъ всегда случай разбогатѣть снова: откуда брались деньги? Объ этомъ никто не смѣлъ спрашивать. Объявивъ себя банкротомъ, онъ потерялъ право на собственность, но это его не стѣсняло. Разъ онъ вошелъ въ комнату Вѣры Васильевны и объявилъ ей, что чиновникъ привезъ шнуровую книгу, въ которой она должна расписаться.

— Въ чемъ я буду расписываться? спросила она.

— Это не твое дѣло.

— Я ничего не подпишу, сказала она рѣшительнымъ голосомъ.

— Какъ угодно, но въ такомъ случаѣ я заставлю старуху (такъ онъ называлъ мою бабушку) подписать что̀ хочу, а послѣдствія бери на себя. Раздумывать некогда; чиновникъ дожидается въ залѣ.

Вѣра Васильевна поблѣднѣла, однако послѣдовала за нимъ въ другую комнату, и молча подписала свое имя. Пробѣжавъ глазами бумагу, она увидала что это довѣренность, по которой она поручаетъ брату совершить за нея купчую на пріобрѣтеніе имѣнія.

Замѣчательно, что въ такихъ продѣлкахъ онъ никогда не обращался къ своей старшей сестрѣ, а сладить съ ней было бы повидимому гораздо легче. Но она объявила наотрѣзъ что не вмѣшивается въ чужія дѣла, и не легко было доискаться въ ней живой струны: это была не Вѣра Васильевна.

Прислуга дрожала при одномъ его имени. Ложась спать, онъ обыкновенно клалъ при себѣ заряженные пистолеты. Никому не прошли бы даромъ всѣ исторіи, которыя сходили ему съ рукъ. Онъ ничего и никого не боялся: въ немъ была капля отцовской крови, но она испортилась въ его жилахъ. Дѣдушка разгадалъ Льва Васильевича, когда по вступленіи своемъ въ службу, онъ пріѣзжалъ въ Воробново вмѣстѣ съ моимъ отцомъ. „Кто изъ насъ кого сломитъ?“ сказалъ мой дѣдъ своей женѣ, послѣ отъѣзда сына: „но безъ борьбы намъ вмѣстѣ не прожить“. И тотчасъ послѣ его отъѣзда онъ сдѣлалъ по имѣнію распоряженія на случай своей смерти; но это не спасло семейства отъ придирокъ моего дяди. Содрогнулась не разъ тѣнь Василья Семеновича: запятналось честное имя завѣщанное имъ своимъ дѣтямъ.

Года два спустя послѣ переселенія въ Воробново, мой дѣдушка купилъ село въ Серпуховскомъ уѣздѣ, и не разъ былъ принужденъ покидать съ семействомъ свое родовое гнѣздо, и проводить лѣто въ ново-пріобрѣтенномъ имѣніи. Бабушка разказывала мнѣ, что они не ѣзжали никуда за исключеніемъ сельца Толычова, принадлежавшаго Борису Александровичу, моему дѣду по матери. Мать моя, которой было тогда лѣтъ пять, и мой отецъ, десятилѣтній мальчикъ, очень подружились и играли всегда въ *жениха и невѣсту*. „А что, Борисъ Александровичъ," говорилъ часто Василій Семеновичъ: „хорошо еслибъ они сдержали слово, да попировали бы мы на ихъ свадьбѣ". Но не побаловала его судьба: не пришлось ему пировать на ихъ свадьбѣ.

Когда моему отцу минуло двадцать три года, онъ влюбился въ одну изъ московскихъ красавицъ, и просилъ у Василья Семеновича позволенія жениться. Дѣдушка отвѣчалъ ему самымъ лаконическимъ письмомъ, что онъ еще слишкомъ молодъ, и что ему нечего и думать о женитьбѣ. Но какой-то родственникъ, повѣривъ московскимъ сплетнямъ, написалъ въ Воробново, что мой отецъ, не смотря на запрещеніе, обвѣнчался тайно. Василій Семеновичъ, прочитавъ письмо, сильно измѣнился въ лицѣ. Бабушка расплакалась и хотѣла что-то сказать.

— Тутъ говорить нечего, перебилъ онъ:—можетъ это и вздоръ; а если правда, такъ толки не поправятъ дѣла.

Дня черезъ два по полученіи роковаго письма, семейство сидѣло за обѣдомъ. Вдругъ люди сбѣжались съ извѣстіемъ, что Владиміръ Васильевичъ пріѣхалъ. Дѣдушка поблѣднѣлъ и поднялся съ своего стула.

— Если Владиміръ женился, сказалъ онъ моей бабушкѣ,— пусть онъ въ ту же минуту ѣдетъ назадъ; если же нѣтъ, приведи его ко мнѣ: я буду въ саду.

Моя бѣдная бабушка часто разказывала мнѣ эту сцену, со слезами на глазахъ. „У меня просто сердце оборвалось, говорила она, руки и ноги задрожали." Однако она выбѣжала на встрѣчу къ моему отцу, и бросилась, рыдая, къ нему на шею. Онъ успокоилъ ее, и они отправились вмѣстѣ въ садъ. Лицо Василья Семеновича прояснялось по мѣрѣ того какъ они приближались къ нему; онъ быстрыми шагами пошелъ къ нимъ на встрѣчу по длинной аллеѣ, и крѣпко обнялъ сына.

— Какъ вы повѣрили такой баснѣ, батюшка, сказалъ ему мой отецъ:—я не спорю, что могъ бы дѣйствительно, въ минуту увлеченія, жениться помимо вашей воли; но тогда ужь я бы къ вамъ не пріѣхалъ. Мнѣ бы легче было умереть у вашего порога нежели переступить черезъ него. Теперь же я явился къ вамъ за дѣломъ. Компанія открывается противъ Французовъ, и я хочу перейдти въ военную службу.

Бабушка всплеснула руками и заплакала.

— Нечего плакать, сказалъ Василій Семеновичъ.—Молодецъ Владиміръ! Жениться я могу запретить, но никакой отецъ не въ правѣ приказать сыну нести лобъ подъ пулю, а мнѣ было бы обидно, еслибы вы оба спрятались теперь подъ родительское крылышко. Авось вернеться, а если нѣтъ, по крайней мѣрѣ честно сложишь голову.

Бабушка разказывала, что при послѣднихъ словахъ голосъ его дрожалъ. Отецъ мой пробылъ нѣсколько дней въ Воробковѣ, потомъ простился съ своими, и отправился обратно въ Москву.

Недѣли черезъ двѣ получили отъ него письмо. Привожу здѣсь это обстоятельство, потому что оно характеризуетъ дѣйствующія лица. Онъ писалъ, что графъ предлагаетъ ему поступить къ нему въ адъютанты, но что онъ отказывается, не желая въ военное время быть обязаннымъ своимъ повышеніемъ вліянію сильнаго покровителя.

— Какъ я это прочла, разказывала мнѣ очень наивно моя бабушка,—такъ просто и ума не могла приложить. Что же это такое? Всѣ ищутъ повышенія, а онъ точно его боится. И отнесла я письмо къ дѣдушкѣ. Онъ прочелъ его, да и говоритъ: „Напиши ты отъ меня Владиміру, что потѣшилъ онъ меня: очень я имъ доволенъ. Самъ бы за это къ нему написалъ, да нездоровъ."

— А что же вы сказали, бабушка? спросила я ее.

— Да что тутъ говорить? Съ дѣдушкой бывало не очень-то разговоришься. Я признаться и до сихъ поръ не понимаю изъ чего отъ чиновъ отказывается: вѣдь это не взятка. А должно-быть оно такъ и слѣдуетъ, если Василью Семеновичу такъ по душѣ пришлось, что самъ написать къ папенькѣ хотѣлъ. Только я и сказала, что „воля твоя, молъ, мой другъ", да и написала какъ онъ приказывалъ.

Изъ Воробкова Василію Семеновичу иногда приходилось

ѣздить по дѣламъ въ Москву. Тутъ онъ каждый разъ являлся къ толычовскимъ сосѣдямъ, и очень полюбилъ мою мать.

— А что еслибъ и въ самомъ дѣлѣ Владиміръ меня потѣшилъ, говорилъ онъ не разъ бабушкѣ,—да пересталъ бы писать стишки къ голубымъ глазамъ. Вотъ ему невѣста!

Мы уже видѣли, что онъ скончался во время кампаніи 1815 года [1]. Послѣ переселенія семейства въ Москву, когда мой отецъ былъ еще за границей, Левъ Васильевичъ сталъ ухаживать за моею матерью. Онъ еще тогда не записался въ *сыны природы*, а напротивъ хотѣлъ усвоить себѣ лоскъ свѣтскаго человѣка, что̀ выставляло въ самомъ смѣшномъ видѣ его безобразіе и неуклюжесть. Понятно, что его любезности были холодно приняты, и самолюбіе его было сильно оскорблено. Когда мой отецъ возвратился изъ похода, Левъ Васильевичъ предупредилъ его, что онъ встрѣтитъ въ свѣтѣ мраморную статую, на которую можно только издали любоваться.

— Намъ не съ руки такія барыни, прибавилъ онъ:—одна дочка у папеньки, папенька глядитъ ей въ глаза; ко двору, говорятъ, воспитывалъ; на нашего брата и не смотритъ!

Но на моего отца она посмотрѣла, и даже полнымъ любви взоромъ. Онъ, съ своей стороны, забылъ о голубыхъ глазахъ и понялъ, что полюбилъ на вѣкъ. Осуществилась наконецъ любимая мечта Василія Семеновича, и отецъ мой, возвращаясь изъ церкви съ молодою женою, говорилъ цѣлуя ея руку.

— Не достаетъ одного моему счастію: не видалъ мой отецъ, какъ я надѣлъ это кольцо на твой палецъ.

Я должна сказать однако, что когда моя мать вступила въ семейство, она далеко не всѣмъ понравилась. Горячность ея чувствъ скрывалась подъ довольно-холодною и строгою наружностію, которая не симпатически подѣйствовала на мою бабушку. Она представила невѣстку своему интимному кружку; составлявшія его лица осмотрѣли *мо-*

[1] Считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь о довольно странномъ фактѣ. Во время своего пребыванія въ Парижѣ, мой отецъ велъ дневникъ, который хранится теперь у насъ. День смерти Василія Семеновича онъ записалъ съ примѣчаніемъ, что его цѣлый день преслѣдуетъ невыносимая тоска, которую онъ принимаетъ за предчувствіе какого-то несчастія.

лодую съ головы до ногъ, поняли что между ими и ею мало общаго, и приняли за личную обиду ея изящныя и изнѣженныя привычки. Марья Андреевна, сама видя что невѣстка не интересуется ни хозяйствомъ, ни тѣмъ что̀ дѣлаютъ и что̀ говорятъ знакомые и незнакомые сосѣди, рѣшила что она *бьетъ-свысока*. Вѣра Васильевна гордо удалилась, говоря что она ни для кого не сдѣлаетъ перваго шага, а Левъ Васильевичъ дулся, и не могъ простить моему отцу свою неудачу. Но старшія тетки, которыя встрѣчались въ свѣтѣ съ моею матерью, дружески протянули ей руку. Надежда Васильевна обрадовалась ей, какъ обрадовалась бы всякой свѣтской связи, а Наталья Васильевна угадала ее инстинктивно, полюбила ее, и онѣ скоро сошлись. Что касается до моей младшей тетки и до Бориса Васильевича, то на нихъ смотрѣли еще какъ на дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія приняли бы другой оборотъ при содѣйствіи Натальи Васильевны и моего отца, который былъ любимецъ сестеръ и матери; но нужно было время, чтобъ ознакомиться и объясниться, а молодымъ было некогда; они спѣшили въ деревню чтобы наглядѣться другъ на друга, и скрыть отъ всѣхъ свое счастіе.

Вскорѣ послѣ женитьбы моего отца вышла замужъ Наталья Васильевна, и уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ. Но вслѣдъ за свадебными пирами наступила для семейства мрачная година. Умерла внезапно моя младшая тетка, восьмнадцатилѣтняя красавица. Неожиданный ударъ такъ поразилъ мою бабушку, что она жестоко занемогла. Вѣра Васильевна, въ глубокомъ отчаяніи, не отходила отъ ея кровати. Поплакала и Надежда Васильевна; войдетъ она бывало въ комнату больной матери, но не надолго.

— Здѣсь душно, какъ въ закупоренной банкѣ, говорила она сестрѣ:—у меня въ глазахъ зеленѣетъ. Вѣдь не легче будетъ, если я тоже свалюсь. Выѣду куда-нибудь, да и ты хоть бы прошлась немножко; на тебѣ лица нѣтъ. А здѣсь можетъ кто-нибудь изъ *дѣвокъ* посидѣть.

— Я здѣсь останусь, отвѣчала рѣзко та,—а вы можете ѣхать куда вамъ угодно.

Она обѣимъ старшимъ сестрамъ говорила *вы*.

По мѣрѣ того какъ моя бабушка стала оправляться и Вѣра Васильевна успокоиваться на ея счетъ, въ ней пробуждалось съ новою силой отчаяніе, вызванное смертію

сестры, и отчасти заглушенное страхомъ лишиться матери. Она проводила цѣлые часы въ своей комнатѣ, и томительные дни медленно протекали одинъ за другимъ. Часто она просиживала по цѣлымъ ночамъ, не раздѣваясь, на кровати, и лишь къ утру ее одолѣвала тяжелая дремота.

Такъ прошло полгода. Разъ дверь ея комнаты отворилась настежь, и бѣдная моя тетка вздрогнула, увидя передъ собой сіяющее лицо Надежды Васильевны. На ней было пунцовое платье, и золотые браслеты блестѣли на рукахъ.

— Ты, кажется, какъ монашенка, покаялась не скидавать черной рясы, Вѣра, сказала она, — а я слуга покорная, видѣть не могу чернаго платья. Просто думала, что не дождусь этого дня, когда трауръ кончается. Вечеромъ поѣду въ театръ.

Она ушла, не дождавшись отвѣта. Вѣра Васильевна поглядѣла ей въ слѣдъ, и упала рыдая на свою подушку. Эта минута навсегда опредѣлила отношенія сестеръ. Надежда Васильевна, сидя вечеромъ въ театрѣ, и не подозрѣвала, что ея выходка потрясла до глубины настрадавшуюся душу. Вѣра Васильевна никогда ей этого не прощала. Тридцать лѣтъ спустя, разказывая мнѣ эту сцену, она еще блѣднѣла и руки ея холодѣли.

Но не долго пощеголяла моя старшая тетка своимъ пунцовымъ платьемъ. Бабушка получила изъ Петербурга отъ своего зятя письмо, въ которомъ онъ поздравлялъ ее съ рожденіемъ перваго внучка, но прибавлялъ, что жена не можетъ оправиться послѣ родовъ. Чахотка стала быстро развиваться въ молодой женщинѣ. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ, и всѣ съ ужасомъ помышляли о поѣздкѣ въ Петербургъ. Однако Вѣра Васильевна рѣшилась немедленно ѣхать къ сестрѣ, если слѣдующее письмо не успокоитъ ея. Въ почтовой день она встала рано и отправилась отслужить молебенъ Иверской Божіей Матери, а по возвращеніи домой, увидѣла на своемъ столѣ письмо съ черною печатью.

Ея отчаянію не было границъ. Она поглядѣла со страхомъ вокругъ себя, и отвернулась съ новымъ ужасомъ отъ ненавистныхъ ей лицъ—старшей сестры и Льва Васильевича. Отецъ мой былъ далеко; она знала какъ болѣзненно отзовется въ немъ эта новая потеря, но знала также, что онъ живетъ въ своемъ особомъ мірѣ, въ счастливомъ мірѣ, куда ей не суждено было даже заглянуть. И перенесла она

всю свою нѣжность на плачущую мать и на меньшаго бр-та, и ея любовь къ нимъ приняла наконецъ весь характеръ страсти.

Борисъ Васильевичъ могъ дѣйствительно внушить самую нѣжную привязанность. Онъ сильно напоминалъ моего отца, и былъ очень красивъ собой. Женственная нѣжность проглядывала въ его застѣнчивости, въ тонкихъ очертаніяхъ его лица, въ мягкости его голоса и пріемовъ, и въ болѣзненной чувствительности его характера.

— Его бы надо въ банку закупорить, чтобы на него вѣтеркомъ не подуло, или держать его вѣчно подъ маменькинымъ крылышкомъ, говорилъ о немъ Левъ Васильевичъ.

Послѣ извѣстія о новомъ несчастіи, бабушка моя и Вѣра Васильевна были долго не разлучны. Бабушка опомнилась первая. Входъ въ ея комнату открылся сперва очень не многимъ; но мало-по-малу число посѣтителей стало увеличиваться. Потомъ она начала сама выходить въ гостиную, чтобы принимать ихъ свободнѣе, и наконецъ эта гостиная опять наполнилась всѣми тѣми лицами, которыхъ смерть разогнала на время.

Но Вѣра Васильевна упорно заключилась въ своей комнатѣ. Марья Андреевна часто покидала своихъ гостей, чтобы посидѣть съ ней, и не разъ уговаривала ее выйдти въ гостиную. Вмѣсто отвѣта, моя бѣдная тетка цѣловала ея руку и начинала плакать. „А мнѣ-то развѣ легко, Вѣрочка?" говорила бабушка, утирая также слезы: „да дѣлать-то нечего. Нельзя же всѣхъ добрыхъ людей отъ себя оттолкнуть."

Вѣра Васильевна иногда сдавалась; но не рѣдко приходилось бабушкѣ пожалѣть объ успѣхѣ своей попытки. Тетка моя рѣшительно не умѣла скрывать своихъ впечатлѣній и мѣнялась въ лицѣ, когда ее встрѣчалъ въ гостиной смѣхъ и полный претензіи нарядъ старшей сестры. Она окидывала ее съ ногъ до головы взглядомъ полнымъ ненависти, и отвѣчала очень рѣзко на ея слова.

Отчужденіе ихъ другъ отъ друга росло съ каждымъ днемъ. Бабушка часто пыталась ихъ помирить,—да какъ мирить людей, которые вовсе не ссорились, но которые не находятъ другъ въ другѣ не одной симпатической струны. Надежда Васильевна была незлопамятна, и протягивала отъ всей души руку сестрѣ, которая съ своей стороны, уступая материнскимъ

просьбамъ, цѣловалась съ ней, и просила ее не сердиться за рѣзкость, въ которой сама себя винила; но не проходило часа, чтобъ одна изъ нихъ не оскорбила или не возмутила невольно другую.

Однако время шло своимъ чередомъ; незамѣтно протекали мѣсяцы и годы. Левъ Васильевичъ женился, и зажилъ своимъ домомъ. Денежныя средства значительно уменьшились, когда бабушка, отдѣливъ послѣ смерти Василія Семеновича часть имѣнія старшимъ сыновьямъ, должна была дать приданое за дочерью. Съ другой стороны, домъ становился старъ, и рѣшили, что выгоднѣе сломать его и построить новый нежели поддерживать огромное полупустое строеніе. И стала моя бабушка удѣлять ежегодно часть отъ своихъ скудныхъ доходовъ для постройки новаго дома. Пришлось стѣсняться и отказываться отъ многихъ привычекъ. Болѣе всѣхъ страдала, разумѣется, Надежда Васильевна; ей приходилось всячески изыскивать средства выѣзжать и веселиться попрежнему. Она была очень коротка съ директоромъ театра, и пользовалась постоянно его ложей. Но чтобы попасть въ эту ложу, иногда приходилось бороться съ неодолимыми для всякаго другаго препятствіями. По мѣрѣ того какъ средства становились скуднѣе, гостиная мало-по-малу пустѣла. Къ тому же холера тридцатаго года свалила много людей близкихъ и родныхъ, и моя бабушка, скучая одна или въ обществѣ какой-нибудь приживалки, привыкла выѣзжать по вечерамъ, и надо прибавить, что бабушка ни для кого не отступала отъ своихъ привычекъ, такъ что Надежда Васильевна никогда не могла разчитывать на экипажъ. Въ тотъ день какъ она собиралась въ театръ, съ утра подымалась суматоха. Она писала какой-нибудь пріятельницѣ, чтобы пригласить ее въ свою ложу, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы та заѣхала за ней. Но пріятельница уже распорядилась вечеромъ, и Надежда Васильевна писала другую записку, и ожидала отвѣта въ крайнемъ волненіи.

— Вы бы ужь третьяго человѣка верстъ за пять послали, говорила съ досадой Вѣра Васильевна. — Погода очень теплая: всего двадцать градусовъ мороза.

— Нужно будетъ, такъ и третьяго пошлю, отвѣчала та:— но во всякомъ случаѣ ты мнѣ не гувернантка.

Наконецъ являлся удовлетворительный отвѣтъ, и Надежда Васильевна съ сіяющимъ лицомъ принималась за туалетъ. Она никакъ не могла помириться съ сѣдыми волосами, начинавшими сильно пробиваться у нея на головѣ, не рѣшалась отказаться отъ яркихъ цвѣтовъ, къ которымъ имѣла особенное пристрастіе, и украшала свою прическу фальшивыми гирляндами, давно утратившими первобытную свѣжесть. Золотые браслеты и алмазные перстни, доставшіеся ей отъ Маргариты Кириловны, блестѣли на ея рукахъ, и ярко выставляли безобразіе бронзовыхъ цѣпочекъ и брошекъ, пріобрѣтенныхъ моею теткой изъ собственной казны.

Мать моя лишь изрѣдка пріѣзжала съ отцомъ въ Москву. Вѣчная грусть Вѣры Васильевны возбудила въ ней самое горячее сочувствіе, и онѣ начали сближаться понемногу, но только общее несчастіе сблизило ихъ наконецъ на вѣкъ. Разъ бабушка получила нѣсколько строкъ, написанныхъ дрожащею рукой моей матери. Она увѣдомляла семейство, что отецъ мой опасно занемогъ. Марья Андреевна со дочерьми собрались немедленно въ дорогу. Въ продолженіе суточной ѣзды, онѣ не разъ сбивались съ пути, и наконецъ, въ темную декабрьскую ночь, доѣхали до мѣста. Имъ отворилъ дверь старый дворецкій, и на ихъ вопросъ: „Что у васъ дѣлается, Левонъ?" отвѣчалъ утирая слезы рукавомъ:

— Еще живъ.

Не стану описывать страшныхъ сценъ, которыя ихъ встрѣтили. Надежда Васильевна не дожидалась конца. „Я здѣсь сама разнемогусь," сказала она, „и только всѣхъ свяжу," — и уѣхала къ праздникамъ обратно въ Москву.

А мой отецъ скончался черезъ нѣсколько дней на рукахъ неутѣшной жены, въ томъ самомъ Толычовскомъ домѣ, гдѣ они играли, бывши дѣтьми, въ *жениха и невѣсту*, и завѣщалъ моей бѣдной матери вѣчное горе, вѣчныя слезы и вѣчный трауръ...

Горе образуетъ самую прочную связь между людьми: бабушка, лишившись любимаго сына, поняла что въ сердцѣ моей матери она найдетъ отголосокъ своему страданію, и нѣжно привязалась къ ней съ этой роковой минуты. Что касается до Вѣры Васильевны, то она поселилась у насъ безвыѣздно на цѣлый годъ, и нажила себѣ въ моей матери, по

ея же выраженію, новое горе, то-есть новую, горячую привязанность. Съ тѣхъ поръ она гащивала у насъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Москвѣ; часто ѣзжала съ нами въ деревню, и проводила, бывало, цѣлыя ночи въ долгихъ бесѣдахъ съ моею матерью.

Еслибъ я писала романъ, то приняла бы заранѣе обязанность объяснить читателю малѣйшія дѣйствія моихъ героевъ; но я пишу исторію и передаю факты не всегда ясные для меня самой. Привязался къ моей матери и Левъ Васильевичъ, и привязался до такой степени, что ея слово было для него закономъ. Онъ не былъ влюбленъ въ нее; влюбиться онъ не могъ въ женщину разбитую горемъ, которая съ ужасомъ приняла бы малѣйшее слово любви. Къ тому же онъ понималъ любовь по своему, и предавался, не стѣсняясь ничѣмъ, своимъ грубымъ влеченіямъ. Эта странная привязанность осталась, до сихъ поръ, загадкой для всѣхъ. Мать моя сама не могла объяснить ее, и была увѣрена, что въ иныя минуты Левъ Васильевичъ глубоко ненавидѣлъ ее, потому что ни отъ кого не слыхалъ онъ такихъ горькихъ истинъ какъ отъ нея. Но что̀ бы ни происходило тогда въ его душѣ, эти истины онъ выслушивалъ однако молча, какъ школьникъ, который не смѣетъ возражать. Была ли у него никѣмъ не разгаданная задняя мысль? Покорялся ли онъ невольно превосходству моей матери?—этого я не знаю, но только всѣ въ семействѣ обыкновенно обращались къ ней какъ скоро надо было добиться чего-нибудь отъ Льва Васильевича, и она все улаживала. Когда онъ бросилъ жену и дѣтей, объявивъ, что не оставитъ имъ и *выѣденной скорлупы*, мать моя потребовала и добилась отъ него, чтобъ онъ предоставилъ имъ единственную остававшуюся у него тогда собственность, домъ въ Москвѣ. Не было примѣра, чтобъ ея слова оказались безсильными надъ нимъ. Онъ присутствовалъ при ея кончинѣ, и какъ только она испустила послѣдній вздохъ, онъ схватилъ себя за голову, и громко зарыдалъ.

Я была еще ребенкомъ, когда раззорили старый домъ, въ которомъ помѣщалось семейство; но онъ мнѣ очень памятенъ. Его пощадили Французы въ двѣнадцатомъ году. Широко раскинулся онъ въ глубь двора, и хранилъ вѣроятно воспоминанія о многихъ тайнахъ, унесенныхъ въ могилу. Я помню темный, длинный, каменный корри-

доръ, по которому я не смѣла ходить вечеромъ, ниши, куда мы любили прятаться, и рядъ высокихъ большихъ комнатъ. Моего отца уже не было на свѣтѣ, Левъ Васильевичъ жилъ отдѣльно съ женой, а Борисъ Васильевичъ былъ въ полку, когда я зазнала старый домъ, такъ что въ моемъ воспоминаніи остались только образы моей бабушки и двухъ тетокъ бродившихъ, будто тѣни, среди опустѣлыхъ стѣнъ. Иныя комнаты были заперты; ихъ отворяла иногда по нашей просьбѣ Вѣра Васильевна, и на нашъ неловкій вопросъ: „кто жилъ въ этой комнатѣ? Отчего она заперта?“—отвѣчала съ глубокимъ вздохомъ: „Нѣтъ уже на свѣтѣ того, кто въ ней жилъ. Теперь она литняя.“ Изломанная мебель, запыленныя бумаги и книги лежали въ безпорядкѣ по угламъ, и паукъ развѣшивалъ спокойно свою ткань.

Когда мы потеряли мою бѣдную мать, близкая намъ богатая родственница пожелала, чтобъ я и мои три сестры поселились у нея, а братъ мой, четырнадцатилѣтній мальчикъ, поступилъ къ профессору, который взялся приготовить его къ университету.

Объ этой эпохѣ нашей жизни я говорить не стану: есть въ сердцѣ болѣзненныя струны, до которыхъ боишься дотронуться. Къ тому же я не для того взялась за перо, чтобы говорить о себѣ. Мнѣ только не хотѣлось потерять нить разказа.

Черезъ четыре года, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, о которыхъ я умалчиваю, я переселилась къ моей бабушкѣ съ старшею сестрой. Горько плакали мы, разставаясь съ меньшими сестрами; онѣ остались до женитьбы брата въ раззолоченныхъ палатахъ, мимо которыхъ никто изъ насъ не проходитъ до сихъ поръ, и не пройдетъ никогда, безъ замиранія сердца....

(До слѣд. №).

ТОЛЫЧЕВА.